

Краевое государственное бюджетное учреждение культуры
Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»

Три века Саянского острога: история, значение, перспективы

**Сборник материалов межрегиональной
научно-практической конференции,
посвященной 300-летию Саянского острога (1718 – 2018)**

27 июля 2018 г.

п. Шушенское, 2019 г.

ББК 63.3(2Рос – 4Кр)

Ответственный за выпуск – В.И. Терентьева

Редактор – Л.Г. Сажаяева

Компьютерная верстка – М.Е. Шабунин

Дизайн обложки – М.Ю. Куртигешев

Три века Саянского острога: история, значение, перспективы.
Сборник материалов научно-практической конференции / Музей-заповедник «Шушенское». Шушенское, 2019. 100 с.

Сборник включает материалы межрегиональной научно-практической конференции, которая состоялась в Музее-заповеднике «Шушенское» 27 июля 2018 года. В конференции приняли участие ученые из Москвы, Новосибирска, Барнаула, Красноярска, Абакана, работники музеев, краеведы, представители казачества. Тематика докладов и выступлений затрагивает самые разные аспекты 300-летней истории Саянского острога.

На обложке: Д.А. Павлов. Саянский острог. 2003 г. Бумага, тушь.
Из фондов Музей-заповедника «Шушенское»

© Музей-заповедник «Шушенское»

К вопросу о Саянском остроге

Галина Алексеевна Бугаева, директор Музея-заповедника «Шушенское», заслуженный работник культуры Российской Федерации, заслуженный работник культуры Республики Хакасия, п. Шушенское

Уважаемые коллеги, гости, участники конференции, разрешите поздравить всех с 300-летием Саянского острога – памятника материальной культуры, с постройкой которого в те давние времена окончательно завершилось присоединение к России южной части Приенисейского края.

Цель моего выступления сегодня заключается в огромном желании поблагодарить ученых, краеведов, историков, представителей власти, общественных структур, участников конференции за неиссякаемое желание обозначить пути решения этой непростой проблемы – восстановление историко-археологического памятника, который мог бы стать интересным, привлекательным и востребованным туристическим объектом Сибири и региона.

Попытки сдвинуть с места этот вопрос инициировались постоянно. Напомню лишь о некоторых.

15 лет назад (в 2003 г.) Александра Евгеньевна Сонникова (тогда заместитель директора по научной работе Саяно-Шушенского биосферного заповедника) в газете «Ленинская искра» в статье «Вновь о Саянском остроге» писала: «За последние 50 лет сотрудники музея «Шушенское» по инициативе главного хранителя фондов Александра Андреевича Горлевого выполнили фотосъемки острога: земляных валов, следов от построек, погребов.

Детально археологические исследования проводились в 1987 – 2000 годах археологическим отрядом Новосибирского госуниверситета под руководством кандидатов исторических наук Сергея Григорьевича Скобелева и Андрея Валерьевича Шаповалова.

В ходе работ получен богатейший материал о русском военном укрепительном сооружении, быте и культуре "служивых Саянского острога". По итогам работы археологических экспедиций историками был впервые реконструирован внешний облик крепости.

Археологами были обнаружены остатки архитектурных сооружений и предметы материальной культуры, что без сомнения дает возможность судить о жизни, быте, хозяйственной деятельности казаков, населявших крепость. Все эти уникальные находки должны найти свое место в музее сибирского казачества.

На казачьем сходе в селе Саянском при значительном стечении населения и при участии видных деятелей науки, культуры, политики, экономики было принято решение о воссоздании Саянского острога – памятника русского военного искусства и истории освоения русским народом Сибири. С тех пор прошло немало времени, и от добрых намерений остались лишь воспоминания».

Справедливости ради надо отметить, что вторую жизнь идея восстановления острога получила в ходе выборной кампании в 2000 г. Командой В.Ф. Грауберга была разработана программа развития туризма в районе под руководством тогдашнего советника главы администрации по вопросам природопользования А.Г. Рассолова.

Параллельно с этим сотрудниками Саяно-Шушенского биосферного заповедника Александрой Евгеньевной Сонниковой и Вячеславом Михайловичем Щербаковым (ныне – директор природного заповедника «Столбы», г. Красноярск) был разработан проект «Саянский острог – южный форпост. Казачество Сибири».

В 2002 г. представитель администрации района Т.И. Гвоздева с автором проекта А.Е. Сонниковой были приняты в Управлении по делам казачества и кадетских учебных заведений администрации Красноярского края. Они передали ходатайство главы Шушенского района В.Ф. Грауберга «О восстановлении Саянского острога в с. Саянском Шушенского района», а также обсудили важность и возможность работы над восстановлением этого исторического памятника.

По предложенному проекту предполагалось как восстановление Саянского острога, так и создание при нем казачьих спортивных конюшен, которые бы содержались и развивались

казачьими семьями. В то время стоимость этого проекта оценивалась чуть более 3 миллионов рублей.

Была создана инициативная группа из жителей с. Саянское под руководством Павла Александровича Лаукса. Предполагалось, что сельская община с. Саянское возьмет на себя обязательство по воссозданию Саянского острога, сбора средств на восстановление, обслуживание памятника.

Инициативная группа и авторы проекта обращались к населению Шушенского района и смежных с ним территорий, предпринимателям, крупным промышленным предприятиям за финансовой и другой материальной поддержкой.

И тогда, и сегодня понятно, что воссоздание Саянского острога только через народную инициативу нереально. Это достаточно затратный проект. И только государственная программа при несомненной поддержке общества поможет решить эту проблему.

Сегодня более всего хочется поблагодарить последовательных и искренне заинтересованных в изучении, продвижении и поэтапном решении вопросов исследования и сохранения древнего исторического поселения уважаемых ученых: Скобелева Сергея Григорьевича, Шаповалова Андрея Валерьевича, Быконю Геннадия Федоровича, Бутанаева Виктора Яковлевича, Майничеву Анну Юрьевну, Дацышена Владимира Григорьевича, Еремина Леонида Валентиновича, Готлиба Андрея Иосифовича, Богуцкого Алексея Евгеньевича, Макачук Алевтину Васильевну, а также Котенок Любовь Дмитриевну, Сонникову Александру Евгеньевну, Шумаеву Наталью Николаевну, Солдатову Николая Михайловича, Лаукса Павла Александровича и многих других неравнодушных людей – истинных патриотов своего Отечества.

Участники проводимых по Саянскому острогу музейных научно-практических конференций в своих рекомендациях старались обозначить первоочередные действия заинтересованных и компетентных организаций по решению этой проблемы. В частности предлагалось:

- решить юридические вопросы с отводом земли под памятник и охранную территорию;

- определить и узаконить статус памятника;
- музеефицировать ландшафтно-археологический комплекс;
- привлечь специалистов к разработке концепции обустройства обозначенных памятных зон, технического задания;
- обозначить столбами историческое место острога с целью недопустимости на нем строительства и других хозяйственных работ и незаконных раскопок до начала работ по сохранению объекта археологического наследия, обозначить казачьи усадьбы, признанные памятниками.

К настоящему времени часть этих рекомендаций воплощена в жизнь, часть находится на стадии реализации.

В этом году по обращению администрации Шушенского района Центром по сохранению объектов культурного наследия Красноярского края начата работа по определению границ территории памятника.

По инициативе отдела культуры Шушенского района историческое место острога обозначено столбами.

Памятник получил статус выявленного объекта археологического наследия, что влечет за собой особый режим использования земельного участка, в границах которого располагается выявленный объект археологического наследия, с целью обеспечения его сохранности.

Третья часть рекомендаций осталась только на бумаге и является серьезной проблемой.

Решение этой непростой проблемы невозможно без развертывания большой информационной кампании с целью привлечения внимания властных и общественных структур всех уровней, деловых кругов в сфере туристического бизнеса, спонсоров из финансово-промышленных компаний Сибири и Красноярского края.

После последнего посещения Красноярского края президентом России В.В. Путиным в крае развернута огромная работа по разработке и реализации программ и проектов в рамках долгосрочного межрегионального проекта «Приенисейская Сибирь» (Красноярский край, республики Тыва и Хакасия).

С учетом высокой историко-культурной значимости археоло-

гического памятника «Саянский острог», может быть, стоит нашей территории при поддержке уважаемых ученых попытаться инициировать и разработать проект по воссозданию Саянского острога.

Сегодня на конференции присутствуют ученые, имеющие опыт решения подобных проблем. Необходима только воля, желание и настрой властных структур сдвинуть эту проблему с мертвой точки.

Нет сомнения, что и на нынешней конференции прозвучат новые конкретные предложения по решению обозначенной проблемы.

Влияние краеведческой и просветительской деятельности МБОУ «Каптыревская СОШ» на возрождение станицы Саянской

Алексей Евгеньевич Богуцкий, кандидат исторических наук,
учитель МБОУ «Каптыревская СОШ», п. Шушенское

На протяжении многих лет одним из направлений деятельности Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Каптыревская средняя общеобразовательная школа» является краеведческая и просветительская деятельность, направленная на изучение истории и культуры населенных пунктов, расположенных на территории Каптыревского сельского совета Шушенского района. В 2001 г. был восстановлен школьный музей, в котором появились экспозиции, посвященные жизни сибирских крестьян, истории с. Каптырево и т.д.

Занимаясь сбором материала для экспозиций школьного музея, педагоги и школьники не смогли обойти стороной и бывшую казачью станицу Саянскую, ныне поселок Саянск. В начале 2000-х гг. он насчитывал несколько десятков жителей, в основном преклонного возраста. В поисках работы после распада местных колхозов молодежь в основном переехала в г. Саяногорск. В самом поселке отсутствовали магазины, не работал клуб, были перебои с электричеством.

На рубеже 1990 – 2000-х гг. общественностью Шушенского района неоднократно поднимался вопрос о возрождении поселка Саянск, расположенного в месте, являющимся археолого-этнографическим памятником русского освоения сибирских земель [1]. Около современного поселка в 1717-1718 гг. русскими казаками был построен Саянский острог – самая южная крепость российского государства в Сибири. С созданием этого опорного военного пункта южная часть Приенисейского края окончательно была присоединена к России.

В начале XIX в. из-за отсутствия прямой военной угрозы со стороны Монголии и Китая острог пришел в запустение, а около него возникла казачья станица Саянская. Сам острог, а позже и станица, на протяжении почти двух столетий являлись наиболее приближенными к географическому центру Азии русскими населенными пунктами [2].

С 1987 г. по 2000 г. археологическим отрядом Новосибирского государственного университета под руководством кандидата исторических наук С.Г. Скобелева на месте острога были проведены раскопки, которые стали первым в нашей стране и за рубежом случаем полного изучения русского археологического объекта в Сибири [3].

В 2004 г. администрацией школы в рамках краеведческой и просветительской деятельности образовательного учреждения был предложен проект по созданию в Саянске музея, посвященного истории Саянского острога и казачьей станицы. Проект был направлен на сохранение исторической памяти о казаках-первопроходцах, культуры енисейского казачества, на пробуждение интереса к истории данного населенного пункта со стороны не только общественности, но и районных, краевых органов власти.

Педагоги и учащиеся, управляющий совет школы (в то время Центр образования «Родники») под руководством директора А.В. Макарчук совместно с сотрудником Государственного природного биосферного заповедника «Саяно-Шушенский» А.Е. Сонниковой разработали проект «Музей "Саянский острог – южный форпост Российского государства в Сибири, 1718 г."», который в 2005 г. стал победителем и был награжден Первой премией конкурса грантов Международного фонда «FordMotorCompany» по защите окружающей среды и культурно-исторических ценностей. На выделенный грант в Саянске был создан музей казачества «Саянский острог – южный форпост Российского государства в Сибири, 1718 г.», единственный на юге края. Музей стал филиалом школьного музея ЦО «Родники» и был размещен в одной из комнат поселкового клуба. В музее собраны подлинные вещи казачьего быта XIX – начала XX в., старинные фотографии енисейских казаков, а также макет Саянского острога, созданный бывшей ученицей Каптыревской школы. Торжественное открытие музея с участием представителей администрации Шушенского района состоялось 10 февраля 2006 г. [4].

Создание на территории Шушенского района нового музея нашло отражение в третьей части учебного пособия по краеведению «Красноярье: пять веков истории» [5].

В период реализации грантового проекта Каптыревской школой также проводилась работа по очистке улиц Саянска от мусора. Престарелым жителям поселка оказывалась помощь в ремонте изгородей и заборов. Была построена рядом с клубом временная сцена для выступления творческих коллективов. Педагоги школы разработали экскурсионные маршруты по поселку и музею казачества.

Реализация данного проекта обеспечила взаимодействие учащихся, родителей, педагогов, жителей поселка, представителей органов местного самоуправления в решении вопроса сохранения памяти о столь знаковом историческом месте на территории района.

Со времени открытия на территории Саянска музея казачества ежегодно в летние месяцы в поселке стали проводиться фестивали семей енисейских казаков, первый из них состоялся в июле 2006 г. Позже он приобрел статус фестиваля казачьих традиций «Саянский острог». В бывшей станице стал проходить казачий круг Енисейского войска, на который собирались казаки-енисейцы не только из Красноярского края, но и из республик Хакасия и Тыва. Некоторые праздничные мероприятия проводились в районном центре в п. Шушенское [6].

Активное участие в организации и проведении фестивалей приняли педагоги и учащиеся Каптыревской школы. В самой школе создан ансамбль казачьей песни «Казачата», который являлся неоднократным лауреатом фестиваля. В период фестивальных дней школьниками 7 – 11 классов проводились экскурсии по музею и поселку, были подготовлены выставки декоративно-прикладного творчества.

Организуемые школой казачьи фестивали привлекли внимание потомственных енисейских казаков, уроженцев Саянска братьев Николая и Юрия Солдатовых. На свои средства в бывшей станице они построили храм Св. Николая Чудотворца, подготовили стационарную сцену для проведения концертных выступлений, закупили новый трансформатор и т.д. С 2009 г. братья Солдатовы стали

организаторами и спонсорами ежегодных соревнований по военно-прикладным видам спорта «Пластун» и «Саянская сечь». В бывшей станции стало проводиться торжественное верстание (зачисление) в казаки.

С 2013 г. фестиваль в Саянске проходит при поддержке администрации Шушенского района и министерства культуры Красноярского края. За несколько лет он стал широко известен и популярен, вышел на новый уровень и получил поддержку не только районных, но и краевых органов власти.

Позже, в силу ряда обстоятельств, школа фактически была отстранена от непосредственной работы в музее в Саянске, но 9 мая 2018 г. в рамках реализации общешкольного образовательного проекта «История енисейского казачества» в школьном музее открылся третий зал, посвященный 100-летию Енисейского казачьего войска, 300-летию Саянского острога, возрождению казачества на Енисее. В экспозиции отражена история освоения казаками Сибири, участие казаков в Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнах, жизнь в эмиграции, помещены биографии и фотографии атаманов Енисейского казачьего войска. Авторы проекта постарались объективно показать судьбы казаков-енисейцев в XX веке. В отличие от многих современных музеев казачества, в которых история Гражданской войны рассматривается только со стороны героизации белого движения, в экспозиции школьного музея гражданское противостояние показано сбалансировано. В зале присутствует информация и о енисейских казаках – сторонниках Советской власти. При проведении экскурсий в качестве примера особый акцент делается на судьбу семьи атамана Енисейского войска в 1919-1920-х гг. генерала А.И. Феофилова.

Альвиан Феофилов был женат на внучке декабриста Николая Крюкова. Один из его сыновей воевал в Белой армии, а другой в годы Великой Отечественной войны стал офицером Красной Армии, защищал Москву, участвовал в Курской битве, освобождал Европу. После войны стал директором колхоза в Сибири, преподавал в ДОСААФе. Его сын, внук генерала А. Феофилова, по комсомольской путевке в конце 1960-х гг. строил Музей-мемориал В.И. Ленина в Ульяновске [7].

Таким образом, на протяжении пятнадцати лет МБОУ «Каптыревская СОШ» в рамках краеведческой и просветительской деятельности проводила и продолжает проводить мероприятия, направленные на возрождение бывшей станицы Саянской, на проявление интереса общественности и органов власти к этому населенному пункту. Результатом стало открытие музея казачества (филиала школьного музея), единственного в Красноярском крае, начало проведения патриотических мероприятий, ежегодного фестиваля енисейских казаков, повышения его статуса с районного до краевого и межрегионального. Фактически Саянск стал центром культуры, военно-спортивных традиций енисейского казачества, в который приезжают казаки из других населенных пунктов Красноярского края, республик Хакасия, Тыва. В бывшей станице стали проводиться мероприятия по благоустройству населенного пункта, сохранению археологического памятника русской фортификации в Сибири. Деятельность небольшой бюджетной организации, которой являлась и является Каптыревская школа, может служить примером общественного катализатора по сохранению знаковых исторических мест не только в Сибири, но и в России в целом.

Примечания:

1. Сонникова А. Восстановим Саянский острог // Красноярский рабочий. – 2002. – 25 октября.

2. Скобелев С.Г. Реконструкция Саянского острога // Сборник материалов научно-практической конференции «Древние поселения Сибири: охрана, сохранение, использование», посвященной 295-летию Саянского острога / Отв. за вып. В.И. Терентьева. – КГБУК Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское». – Шушенское, 2014. – С. 4 – 5.

3. Там же. С. 3 – 5, 22 – 23; Скобелев С.Г. Планировка Саянского острога, характер использования основных сооружений и площади двора (по данным археологии) // Сборник материалов научно-практических конференций (2008-2009) / Гл. ред. А.В. Степанов. – Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское». – Шушенское, 2009. – С. 19, 33.

4. Алехина О. Южный форпост российской границы // Ленинская искра. – 2006. – 3 марта.

5. Красноярье: пять веков истории. Учебное пособие по краеведению. Часть III / Рук. Н.И. Дроздов. – Красноярск: ООО «ИПК «Платина», 2008. – С. 306.

6. Брунов Б.П. Енисейские казаки – кто они? (Исторические хронологии, иллюстрации, таблицы и фотографии). – Красноярск.: ООО Издательство «Красноярский писатель», 2011. – С. 257 – 261, 265.

7. Архив Минусинского краеведческого музея, ВФ, 975/1, к. 12, ш. 9, п. 3; ОФ, 7666/1, к. 12, ш. 10, п. 5; 7707/19, к. 12, ш. 10, сек. 4, п. 1; 7707/20, к. 12, ш. 10, сек. 4, п. 1; 7707/27, к. 12, ш. 10, сек. 4, п. 1; 7709, к. 12, ш. 10, сек. 4, п. 1.

Триста лет в теплых объятиях России

Виктор Яковлевич Бутанаев, доктор исторических наук,
профессор Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

В начале XVIII века с завершением русско-кыргызской вооруженной борьбы начался процесс русской колонизации долины Среднего Енисея. По-видимому, правительство Петра I планировало проложить по Енисею крупный торговый путь в Монголию и Китай. В таком случае Абаканский острог должен был стать крупным торговым центром, Саянский – перевалочным пунктом. 18 августа 1707 года по правому берегу Енисея, между горами Унюк (букв. Голосистая гора) и Туран, был поставлен первый русский острог на территории Минусинской котловины. Абаканская крепость стала надежным оплотом Российского государства в Хонгоре.

Через год, 31 августа 1708 г., Цинский Китай выразил протест против постройки русскими Абаканского острога и потребовал его ликвидации, ибо он был возведен на монгольской стороне. На управление в земле Хонгорай претендовал монгольский князь Дзасактухановского владения Гун Бубэй. Он заявлял: «Тою де землею Хонгорою издавна владел дядя мой Гендун Дайчин (назначенный правителем государства Алтын-ханов в 1686 г. - В.Б.), его улус - кыргызы, уранханы, (т.е. кыргызские урянхайцы - В.Б.) моторы, они кочевали». Однако сибирские власти дипломатично отвечали, «что та земля бывала кочевья кыргызского, а их, кыргызов, Цаган Араптан все со всеми взяли, и мы от него, Цаган Араптана, для бережения вместе (с хонгорцами) караулы поставили, а на бугдахановой земле нам города построить невозможно».

Русское правительство считало претензии монгольских феодалов необоснованными, ибо Хонгорай находился «во владении кыргызских князцов, а и те кыргызские князцы со всеми своими людьми

наперед сего были под державою Российской». Однако монгольские феодалы и не помышляли уступить Хонгорай.

В 1712 г. Китай снова повторил свой протест Сибирскому губернатору М.П. Гагарину, а в 1718 г. в Абаканский острог даже прибыла делегация от Гун Бубэя. Судьба построенного города оказалась под вопросом. Назревала необходимость официального закрепления территории Хонгорая за Российской империей.

В 1716 г. по указу русского императора Петра Алексеевича для укрепления позиций России в Хонгорае было решено поставить второй русский острог у подножия Саян. Осенью 1718 г. красноярский дворянин Илья ناشивошников, посланный из Красноярска с командой из 300 конных и пеших казаков, на правом берегу Енисея в 120 верстах выше Абаканского острога возвел Саянский острог (по-хакасски «Соян-тура»), перекрывший главный путь сообщения по Енисею из Монголии в Хонгорай и обеспечивший относительно спокойную обстановку. Он был поставлен на несколько верст севернее от «означенного» в 1716-1717 гг. места. Означенное место в дальнейшем получило название деревни Означенной, где ныне располагается город Саяногорск.

После возведения Абаканской крепости и Саянского острога территория Хонгорая или Кыргызской земли стала контролироваться русскими властями. Несмотря на то, что официальное закрепление произошло на 20 лет позднее, судьба хонгорцев уже была связана с Россией.

20 августа 1727 г. в результате длительных российско-китайских переговоров между Россией и Китаем на р. Бура в 20 км. от г. Кяхта на юге современной Бурятии был заключен пограничный трактат. Раздел территории прошел по Саянам, начиная от реки Аргунь, составляющей с Шилкой верховья Амура, и заканчивая вершинами Абакана, вплоть до владений Джунгарии. Все земли и народы, находившиеся по северной стороне Саян, отошли к России, а по южной – к Китайской империи.

В результате Кяхтинского мира произошло разграничение территорий Китая и России. Однако границы Джунгарии оставались неопределенными. После Кяхтинского мира притязания Монголии и

Китая на земли Хонгорая почти прекратились. Однако ойраты еще продолжали собирать албан (ясак) с аймаков бывшего Алтырского улуса вплоть до падения Джунгарского ханства.

Джунгары и монголы собирали албан с кыргызских киштымов, т.е. хакасов, по 5 соболей. Русские сборщики брали с последних от 1 до 6 соболей. Население края оказалось в тяжелейшем положении троеданцев. Некоторые роды начинают откочевывать за Саяны, чему способствовала и политика насильственной христианизации, которую стали торопливо и непродуманно проводить русские власти.

В 1757 г. вступивший в российское подданство кыргызский чайзан Курбан-Кашка вывел из Джунгарии к стенам Усть-Каменогорской крепости своих людей. В 1757 году, когда хонгорцы принесли клятву быть в вечном подданстве Белого хана, и происходит фактическое закрепление Хонгорая за Россией. Резкий рост населения за этот период свидетельствует, что увеличение произошло не в результате естественного прироста, а в итоге вливания большого количества беженцев из Джунгарии.

В результате трагических событий 1703 – 1757 гг. немногочисленные потомки енисейских кыргызов, оставшиеся в Хонгорае, не смогли более оправиться от сокрушающего удара судьбы. Несмотря на частичное возвращение из Джунгарии угнанных хонгорцев, жители долины Среднего Енисея не были в состоянии сохранить свою государственность. Общественно-политический строй Хонгорая оказался разрушенным. Былая социальная структура общества – институты батырства и кыштымства – ликвидируются.

По нашим скромным подсчетам погибло в битвах с русскими, монголами, казахами и маньчжурами более 10 тысяч человек. До критического предела сократилась численность, нависла угроза существования самого этноса в долине Среднего Енисея.

В знак признания русского подданства хакаские чайзаны отрезали косички «киджеге», которые носились мужчинами Хонгорая в качестве прически. До сих пор хакасское выражение «rbztutkwu xdhuty неснf» – т.е. «во времена ношения косичек "киджеге"», обозначает понятие, связанное с жизнью до присоединения к России. В связи с изменением традиционного плетения волос скотоводами

Хонгорая соседние тувинцы, сохранившие в Китае старую форму прически, стали называть хакасов «донгур» – комолые. Косичка «киджеге» для мужчин имела сакральное значение, в ней, как считалось, находилась часть души человека. Срезанная косичка во время свадьбы вплеталась в волосы жены в качестве оберега. Если в драке оторвали «киджеге», то пострадавший имел право получить за бесчестье одного коня с верховым прибором.

Как утверждают исторические предания, русское правительство вручило башлыкам, стоявшим во главе землиц, атрибуты власти – саблю для усмирения непокорных, нагайку для наказания непослушных и красный флаг для свидетельства монголам и джунгарам, что за Хонгораям стоит сила Российского государства. Выдача знамен пограничным дружинам народов Саяно-Алтая действительно произошла в 1728 г. На них было изображено красное солнце и написаны слова: «Никому не уступает». Один из этих атрибутов власти – сабля обыкновенной старинной формы, еще в начале XIX в. хранилась как святыня у потомков сагайского башлыка Наира Тулбечекова.

С целью закрепления позиции Русского государства в южной Сибири некоторые хонгорские башлыки получили от царского правительства владельные грамоты на свои землицы.

В 1757 году, когда хонгорцы принесли клятву быть в вечном подданстве Белого хана, происходит фактическое закрепление Хонгорая за Россией.

Политическое название «Кыргызская земля» после 1757-1758 годов перестало фигурировать в русских документах. Только сами хакасы на своем языке продолжали себя называть «хоорай», имя которое, как мы отмечали, соотносилось с русским понятием «кыргыз».

Историческое имя «хонгорай», дожившее до этнографической современности в преданиях, по пояснению информаторов обозначало жителей Хакасии до вхождения их в Россию. В Российской империи хонгорцев, как и многих тюркоязычных народов, стали именовать «татарами». Со временем в XIX в. слово «татар» (в хакасской форме «тадар») превратилось в самоназвание бывших хонгорцев. То же самое происходит и с ойратами, которые в качестве своего имени стали использовать русское название «калмыки». Таким образом,

у бывших кочевников Джунгарии этнонимы «хонгорай» и «ойрат» уступили место экзоэтнонимам «тадар» и «калмык».

Как мы могли убедиться по документальным свидетельствам, история вхождения Хонгорая (Хакасии) была сложным процессом и поэтому дать однозначную оценку данному явлению довольно трудно. Мы придерживаемся позиций исторической объективности и предельной достоверности в использовании архивных и других источников. С вхождением Хакасии в состав России закончилась эпоха военных тяжб между Хонгораем, монгольскими государствами и Россией, продолжавшихся в течение ста лет. Постоянные военные действия привели к полному экономическому упадку и опустошению Хонгорая, а также к демографической катастрофе. Поэтому вхождение Хакасии в состав России имело в целом прогрессивное значение. После заключения Кяхтинского мира и определения границ на берегах Среднего Енисея наступила относительная стабильность, начался мирный период в жизни коренного населения. С возведением пограничных караулов, где службу начали нести красноярские казаки, появились надежные рубежи южносибирских окраин России, к которым стала относиться Хакасия.

Литература:

1. Быконя Г.Ф. Заселение русскими приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981.
2. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). \ Абакан, 2008.
3. Русско-китайские отношения в XVIII веке. т.1. 1700 – 1725. М., 1978.

К характеристике основателя Саянского острога и руководителя Второй Красноярской шатости Ильи Михайловича Нашивошникова-Сурикова

Геннадий Федорович Быконя, доктор исторических наук,
профессор КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

Алина Александровна Чернышѐва,
учитель истории СОШ №6, г. Красноярск

В 1715 – 1720 гг. верховная власть в лице Петра I строительством двух-трех крепостей в Саянах и за ними намеревалась не только окончательно закрепиться в Северном Присянье, но и через верховья Енисея выйти к местам золотодобычи в соседних странах. Основание Саянского острога было первым звеном реализации этого в целом утопичного плана из-за огромной отдаленности и полного отсутствия в этом пограничном районе русского населения. Это понимала часть служилой старшины Красноярского казачьего войска, на плечи которого сибирский губернатор князь М.П. Гагарин намеревался возложить эти задачи. Сословно-спесивый «царедворец», честолюбивый и недалекий красноярский комендант, стольник Д.Б. Зубов наоборот без должной подготовки всячески форсировал начало строительства, что дало обратный результат – сооружение крепости растянулось на два года. Разумные коррективы, внесенные «городчиком», красноярским дворянином Ильей Нашивошниковым (перенос места, уменьшение размеров, упрощение крепостных стен) было расценено как государственная измена. Его арест и угроза жизни послужила поводом для организации казачьим кланом Суриковых-Нашивошниковых массового выступления части казаков, тяглового населения и ясачных в форме «отказа от воеводства» алчному Зубову. Продуманная стратегия и гибкая тактика защиты себя и участников

движения под флагом защиты общих интересов русского и особенно ясачного населения увенчалась успехом – репрессий удалось избежать, Зубова убрали, острог внутри Саян не построили.

Илья Михайлович Нашивошников, прошедший путь от рядового конного казака до дворянина сибирского списка, проявил особенно явственно такие присущие сибирскому казачеству черты как вольнолюбие, самостоятельность в отношениях с местными властями. Для защиты своих интересов умело использовались развитое чувство собственного достоинства, хорошее знание законодательства, своих прав и делопроизводства, обусловленные договорным началом с верховной властью и корпоративно-сословным самоуправлением. Он имел традиционное мировоззрение, в социальном отношении как представитель служебно-имущей верхушки, носитель в основном феодально-крепостнических взглядов. Особенности его личности: обладал грамотой, любознательный, с широким кругозором, смелый, но осмотрительный, в повседневной жизни рациональный, хозяйственный, хороший семьянин.

Об этом ярком представителе сибирского казачества времен первичного закрепления и освоения русскими территории Центральной Сибири долго мало что было известно. Причем иногда до сих пор встречается ошибочная дата основания Саянского острога в 1709, а не в 1718 году. В связи с Саянским острогом отдельные аспекты его жизни и потомства опубликовал автор этих строк [1].

Новые разнохарактерные, в том числе архивные материалы, особенно полный текст следственного дела о втором Красноярском «бунте» в связи со строительством острога, с которым любезно познакомила меня молодой исследователь А. Чернышева, дали основание вернуться к этой теме. Данная статья является продолжением моей прежней публикации, вышедшей в связи 295-летием Саянского острога [2].

Установлено, что в Красноярск Илья Михайлович (род.1663 - до 1762) прибыл с семьей старшего брата Григория Сурикова (1649 - после 1722), в которой были сын Григория Иван (? – до 1722), братья Петр Михайлович (1659 – до 1744) – прямой в 7 колене предок великого художника Василия Ивановича Сурикова -

и Иван (? – до 1722). Они появились после подворной переписи 1671 года в связи с самым серьезным нападением енисейских киргизов и джунгаров - черных калмыков на Красноярский острог в июле – сентябре 1679 года. Тогда город-крепость чуть не погиб, было сожжено 16 деревень, а отряды киргизов доходили даже до нижне-ангарских деревень. Пополняли поредевший красноярский гарнизон добровольцами и ссыльными через Енисейск, ставший разрядным городом. Кстати, Наталья Кончаловская, внучка художника Василия Ивановича Сурикова, считала, что Суриковы прибыли из Енисейска. Молодой Илья попал в конную сотню атамана Михаила Злобина.

За 10 – 15 лет до самого крупного в Сибири XVII века вооруженного восстания против воеводского произвола – знаменитой Красноярской шатости 1695 – 1700 гг. – Илья с братьями обжились своими дворами в городе и деревне. Казачий десятник Илья и пеший казак Петр стали заметными участниками этой шатости, о чем писал известный архивист, крупный знаток Сибири XVII века Н.Н. Оглоблин, и помнили красноярцы. Так, про Петра местному коменданту – воеводе Д. Зубову его сторонники доносили, что это «старый еще бунтовщик».

Не удалось выяснить, почему с 1694 по 1707 гг. в официальных документах Илья именовался то Суриков, то Нашивошников. Так, накануне восстания в окладной книге денежного жалованья за 1694 г. значился десятник конной сотни Илья Нашивошников, который получал 7 руб. 50 коп. и хлебную дачу. А через пять лет в писцовой книге 1700/01 г. десятник конных казаков назван уже Ильей Суриковым. Он за часть хлебного жалованья служил по городу с пашни, имея две десятины с третником пашни в одном поле (до 2,5 га) на «Кинжурской степи», да одну десятину (1,09 га) покосов в Ладейском лугу. Рядом с ним в той же степи имели угодья братья Петр с сыном Григория Иваном. Они явно вместе «раздирали пашенку», поделив затем ее, вероятно, по степени трудового участия, почти поровну, на доли-жеребья. Такой родственной кооперации не мешало даже временное проживание «пешего казака Петрушки Сурикова» в деревне Погорельской.

Илья отличался, вероятно, живым гибким умом, бойким характером, но и осмотрительностью. Так, в начале шатости десятник Илья выполнял поручения воеводы и не сразу перешел в активные ряды восставших. В последующие годы он уверенно продвигался по службе. При красноярском воеводе Григории Полуэктове в 1709-1710 гг. Илья Нашивошников четыре раза ездил в Москву с различными отписками, денежными документами и росписями пушной казны [3]. Этот факт свидетельствует, в частности, и о том, что Суриковы не были ссыльными, ибо запрещалось таковых посылать с поручениями в столицу.

Конные казаки часто бывали в дальних «посылках», непременно задействованными были в походах против немирных киргизских князей. Илья со своим десятком «громил» в 1692 г. Тубинскую землю, участвовал в строительстве Абаканского острога в 1707 г. В конце 1710 г. его произвели в сотники конных казаков с почетным званием «сын боярский сибирского списка» [4]. В составе красноярской служилой верхушки Илья продолжал выполнять ответственные почетные и доходные службы. Так, в 1715 г. он с группой казаков собирал ясак с Удинской земли. Во время Второй шатости 1717 – 1722 гг. сторонники воеводы Д. Зубова, возможно, ложно обвинили его в присвоении 45 соболей. Кстати, именно тогда из донесения коменданта Дмитрия Зубова Матвеем Петровичем Гагарину, удалось узнать имя прародителя всех Суриковых: «В прошлом 715 году, при прежнем Красноярском каменданте Василие Козлове, послан был ис Красноярска в Удинской острог для ясашного великого государя збору с удинских ясачных иноземцов красноярской сын боярской Илья Михайлов сын Нашивошников» [5].

Самой крупной и ответственной службой, навсегда вписавшей его имя в историю Красноярья, было строительство в приграничном Северном Присяянье деревянного острога–крепости. В обстоятельной документальной монографии о формировании российской границы в Западной Сибири барнаульские историки В.О. Бородаев и А.В. Контев пришли к выводу, что главная цель планируемых острогов в верхнем Прииртышье и Енисее – выход в золотодобывающие районы к «песошному золоту». Из-за неверных географических представлений

о Южной Сибири и сопредельных странах и сложной геополитической обстановке этот утопичный проект губернатора М.П. Гагарина увлек и Петра I, который стремился пополнить государственную казну для победоносного завершения Северной войны 1700 – 1721 гг. Великий реформатор в 1715 – 1720 гг., даже когда находился за рубежом, лично следил за реализацией этого проекта в Южной Сибири. Считалось, что именно через верховья Енисея ближе всего до китайского золота, поэтому красноярским комендантам В.Е. Козлову и сменившему его Д.Б. Зубову велено после тщательной разведки мест поставить 2 или 3 острога-крепости у подножия Саян, внутри их у Большого порога и за Саянами. Предполагалось, что Саянский острог станет первым в саянском коридоре к китайскому песочному золоту и к широким торговым связям с соседними странами вплоть до Индии. При этом планировались также русские поселения в этом районе [6].

Илья Нашивошников оказался в непростой ситуации, хотя ему присвоили звание «дворянина сибирского списка», а 23-летнего сына Ивана в звании «сын боярский» в 1716 г. включили в группу по разведыванию мест строительства и поселений. Красноярские служилые люди обосновано считали утопичным осуществление этих планов, причем только силами одних красноярцев, что грозило новыми тяготами опасной годовой службы в пустынном краю. А ведь они ежегодно по 100 годовальщиков отправляли в Абаканский острог и неохотно переселялись к нему. Местный комендант, как называли воевод приграничных уездов, «стольник... царедворец» (по словам М.П. Гагарина) Дмитрий Борисович Зубов еще подлил масла в огонь, настояв, несмотря на осень, на немедленном строительстве. Отряд в 300 красноярских казаков во главе с Ильей Нашивошниковым выступил 5(7) октября 1717 года. Начало работ затянулось, так как Илья забраковал «означенное» на лично подписанном М.П. Гагариным чертеже место, как «увалистое, безлесное и необзористое», и, возможно, место, назначенное В.Е. Козловым. Он самовольно заложил острог относительно последнего на две версты выше по Енисею. Его выбрали посланные им 10 казаков во главе с прекрасно знавшим местность сыном боярским Тимофеем Ермолаевым.

Многоопытный 54-летний Илья Михайлович в интересах дела рискнул послушаться, но ответственность разделил на всех, мол, сам лично не выбирал, а пошел навстречу коллективному решению.

Строительство острога затянулось на два года и шло с рядом отступлений от плана. Предписывалось поставить «...рубленую крепость (то есть стены в виде тарасов – рубленых клетей по периметру – Г.Б.) длиной дватцать семь сажен, поперег тоже и зделать нижней и верхней бои (бойницы для стрельбы – Г.Б.),а на верху роскат (для пушек – Г.Б), и круг острогу выкопать ров и поставить надолобы (рогатки – Г.Б.)». Однако Илья понял, что даже при усердной работе просто не хватит полутора осенних месяцев на такой большой объем работы, особенно на земляные укрепления. Тем более, что комендант наказывал с наступлением зимы отпустить 200 казаков, оставив в остроге только 100 годовальщиков во главе с самим Ильей. Поэтому, еще более рискуя, Илья Михайлович заложил острог меньших размеров: «...усмотря, что место угодно, стал ставить на том месте острог, и заложил мерою в длину дватцать семи сажен, поперег дватцати четырех сажен. И состроил две стены верхнюю, да (с)межную, да четыре башни, и не достроил де того острогу и башен...».

Позже, в мае 1718 г., Д.Б. Зубов, усугубляя вину Ильи, доносил губернатору, что острог был заложен лишь размером 14 x 14 саженей и выстроен только наполовину, поскольку 200 чел. были отпущены Ильей с наступлением зимы, да 22 годовальщика за мзду уезжали в Красноярск [7]. Однако уже в конце октября в Тобольск Зубов, а оттуда Петру I – губернатор, не дожидаясь завершения строительства острога, верноподданно отрапортовали о точном исполнении плана. Выходец из старинных дворян Д.Б. Зубов, вероятно, не предполагавший такого явного нарушения воли высшей власти, оказался в очень неприятном положении – ввел в заблуждение губернатора и самого царя. Вероятно, поэтому, как на допросе в Тобольске показал Илья Михайлович, комендант велел в официальном донесении ему скрыть допущенные отступления от плана и недоделки. Вероятно, он рассчитывал втайне на следующий год все достроить в соответствии с предписанным планом.

Сам же, быстро узнав от недоброжелателей о самоуправстве, и, не вникая в мотивы, еще до окончания строительства острога велел

доставить Илью под караулом в Красноярск и нарядил внутреннее следствие. Позже, после отказа ему от воеводства, Д.Б. Зубов, чтобы скрыть свой должностной проступок, всю вину возложил на Илью – мол, тот сам по прибытии в Красноярск в декабре 1717 г. ложно показал, что все выстроено по плану. Мол, он лично, без согласия казаков, изменил место строительства, тип укреплений, подписанный план, им не показывая, уничтожил и досрочно распустил строителей.

Чтобы скрыть свою ошибку, 14 февраля 1718 года комендант самолично отбыл в Северное Присяянье с инспекторской проверкой «для подлинного уверения и досмотру того острогу и назначенного места, и крепостей». Он обязывает достроить по принятому сверху плану острог, который, кстати, никогда не видел под своими стенами неприятеля. Вторым строителем оказался сын боярский Тимофей Ермолаев: «А ему, Тимофею, после ево (Ильи – Г.Б.) велено быть у той достройки острогу, и на приказ, и прислан де к нему от него, каменданта, за ево рукою, наказ. И после, де ево, Ильи, тот острог, со всем наготово достроил он с служилыми людьми, и достроил де в том остроге, он, по его велению» [8].

С возвращением коменданта строителю острога Илье Нашивошникову могло грозить обвинение в государственной измене. Строитель острога сам был не без греха. Считаясь с мнением и нуждами своих казаков, Илья не забывал о своем интересе. Он за мзду временно отпустил 15 (обвинители утверждали, что 22) годовальщиков по домам за припасами. То и другое было нарушением, тем более при незаконченном строительстве. Так, трое из них позже показывали в допросах енисейскому воеводе Беклемишеву: «За отпуск де с них взял тот Нашивошников - с Петра Шашина - десят алтын денег, два пуду муки ржаной; с Федора Круглова - денег дватцать алтын, полтора пуду муки ржаной, пят фунтов соли, пят фунтов крупы яшной, десят горстей конопли; з Гирасима де Потылицына тот Нашивошников взял полтину и отдал назад в Красноярском, отцу ево потому что де он, Гарасим, в том остроге остался годовать. А с иных де служилых людей за отпуск денгами и хлебными запасы брал». Также не исключено, что он продал порох и свинец саянским «иноземцам», о чем позже был донос. Это строго-настрого запрещалось и тоже тянуло на государственную измену.

Отсутствие в городе Д.Б. Зубова дало Илье время продумать, как избежать смертельной опасности. После самовольного освобождения Ильи от ареста на общем совете клана Суриковых в доме Ильи Нашивошникова было решено все обвинения отрицать и самим перейти в наступление – не в меру ретивого коменданта припугнуть или даже убрать с должности. Это можно было только через угрозу прибегнуть к отживающей в петровское время легальной практике коллективного отказа подчиняться воеводе с обязательной подачей в центр челобитной. Надо сказать, что Д.Б. Зубов вполне этого заслуживал. Ведь за год с небольшим он успел удивить своей спесью и алчностью даже красноярцев, выдавших всяких воевод.

Илья с единомышленниками, естественно, рассчитывали на поддержку обиженных стяжателем-комендантом. Большая надежда была и на недовольных «князцов» подгородных, ясачных людей, которых Д.Б. Зубов, вымогая себе поминочных, от одного до четырех соболей, задержал в городе до Покрова. Ведь на такие поступки воеводы Тобольска и Москвы непременно реагировали снятием винных с должности и отдачей под суд.

К возвращению коменданта ему стали готовить «отказ от воеводства». Следовало организовать в назначенный день толпу и официально объявить о выборе своих представителей – челобитчиков с мотивированной жалобой на Зубова в вышестоящую инстанцию.

Опыт Первой шатости всюю пригодился. Вероятно, через подячего Ивана Сурикова нашли указ о порядке отказа от воеводства, по которому выборные людьми челобитчики были уже неподсудны местной власти. В ходе непрерывных совещаний казаков доме Ильи Нашивошникова, с обязательным участием брата хозяина Петра Сурикова, выбрали трех челобитчиков во главе с Ильей. Было решено 3 марта (в ряде допросов – второго), в церковный праздник, когда в городе «многолюдство бывает», будут отказывать воеводе. Верных казаков разослали с этим известием по деревням и улусам. Илья и Петр составили письмо для казаков Абаканского острога с просьбой присылать компромат на коменданта. С помощью толмача местной канцелярии Алексеева договорились с «князцами» Качинской и Аринской землиц о подаче совместной жалобы на Д.Б. Зубова.

Опасаясь ареста, лично Илья не ходил с выборными (Никита Грицков, Мартемьян Петлишный и два «князца» – качинец Байтарак Кожераков, аринец Пажин) на воеводский двор для объявления отказа. Однако когда они поднялись в «горницу», оробели и, молча постояв, ушли. Илья исправил ситуацию. Находясь в толпе на площади у Покровской приходской церкви (ныне площадка перед Октябрьской гостиницей на углу Мира и улицы 9 Января), которая затем перешла на торговую площадь перед малым острогом, а также внутри острога перед башней (ныне площадка перед Малым концертным залом на Стрелке), он заявил вышедшему от коменданта фискалу Герасиму Климовскому, что они «красноярские служивые люди и иноземцы ясачные, на него, коменданта, в обидах своих (являются – Г.Б.) челобитчики, и о том бы поехать им в Тоболеску или к Москве челобитчиками, и буде он, комендант, лучше к ним не будет, и их бы он, комендант, ничем не ведал». При этом на допросах Илья подчеркивал – коменданту объявляли через фискала, чтобы ему над ними «судом и расправой не ведать», особенно над ним, выбранным «мирским челобитчиком».

Это была первая победа – комендант потерял инициативу и право применить силу, хотя часть казачьей старшины и казаков ему подчинялись. Д.Б. Зубов это понял и побеспокоился о личной безопасности. В своем первом донесении губернатору 11 мая он признавался: «И я, видя их такую шатость, велел у малого города ворота затворить, опасаясь себе от них всякого дурна и применялся к прежнему их бунту, чтоб какова мне дурна не учинили».

Обе противоборствующие стороны стали готовиться к дальнейшим действиям, собирая компромат друг на друга. Затишье оказалось коротким – через месяц после начала отказа воеводе, 30 марта сын боярский Андрей Еремеев привез указ о строительстве нового острога в Саянах у Большого порога. Это подлило масла в огонь. На общем собрании прочитанный указ встретили криками, а затем выборные семь человек заявили, что строительство этого острога разорит их, и потребовали, чтобы к этому делу привлекли служилых других уездов. Д.Б. Зубов до мая надеялся переломить ход событий, собирая компрометирующий материал на организаторов «отказа». Восставшие же, видя неуступчивость коменданта, активизировались –

составили новое мирское челобитье, стали шире «пересылаться» с гарнизонами других острогов уезда, продолжили сбор мирских средств для отправки челобитчиков в Тобольск. С ясачных брали по полтине, а с русских – по их «мочи». Коменданту во многом перестали подчиняться: не дали казачьих детей на смену к работам на воеводском дворе, более 100 сельских казачьих детей не явились на смотр в Красноярск для зачисления в новую сотню пеших казаков, прекратились работы по ремонту казенной Качинской мельницы и т.д.

Д.Б. Зубов, убедившись, что не может справиться самостоятельно, 11 мая 1718 г. отправил рапорт с доносами верных ему служилых людей в Тобольск, сообщая губернатору об отказе от воеводства, свою «отписку» начал словами: «В нынешнем 718 году марта в 3 день красноярского списка дворянин Илья Нашивошников собрал к себе на двор старых бунтовщиков: брата своего родного Петра (выделено мной – Г.Б.), воров Ивана Волченкова... человек 70 и больше... послали фискала ко мне и велели ему говорить, чтоб их мне судом и расправою не ведать». Восставшие тоже осуществляют свою угрозу – перенести конфликт в губернскую инстанцию.

В Тобольск отправились челобитчики: Илья Нашивошников, казак Ошаров, толмач Алексеев и качинец Батарак Кучелаков. С 12 июня их порознь допрашивали, причем 22 июля М.П. Гагарин, лично допрашивавший Илью, велел обер-коменданту Карпову, а тот – енисейскому воеводе Беклемишеву возглавить следственную комиссию и учинить розыск по «несходству» враждующих сторон. Илья выбрал правильную тактику в Красноярске – отрицать все обвинению в отношении острога и отказа строить новый острог, а признавать, что отказ от воеводства Д. Зубову связан только с его лихоимством, особенно в отношении ясачных людей. Беклемишев в течение месяца вел следствие, снял 22 допроса, в том числе несколько коллективных, и все материалы с копиями, а также челобитчиков, отправил 22 декабря 1718 г. снова в Тобольск. Судя по тому, что троих мирских выборных с Ильей Нашивошниковым отправили под караулом, Беклемишев взял сторону Д. Зубова.

Принятие окончательного решения по поводу отказа красноярцев ставить новый острог у Большого порога и отказа от воеводства

неожиданно затянулось, так как М.П. Гагарин за экономические нарушения, в частности, за присвоение подаренного на бракосочетание Екатерине I (Марте Скавронской) иркутскими купцами алмаза, сам был арестован и увезен в столицу для суда и следствия.

Время стало работать на восставших. Приехавшей в Тобольск следственной по их делу комиссии лейб-гвардии майора И.М. Лихарева было не до красноярцев. Чтобы запутать дело и подчеркнуть свою законопослушность, красноярские бунтовщики делают новый ход. 14 февраля 1720 года в Томск сержанту лихаревской комиссии Чеботареву поступило две новые мирские челобитные от русских и ясачных: «В Томску на съезде двора города, Красноярска сын боярской Иван Нашивошников того города от дворян и детей боярских и сотников и конного и пешего полков от служилых людей, подал ему, Чеботаеву, за своею рукою и за прикладыванием знамен иноземских знамянно Бобмеша Карачакова, Табахая Киликина, Учурги Тингерова, Чехана Корочакова, челобитную, о быти у них в Красноярску комендантом Василия Козлова, которой в Томском комендантом а красноярской де комендант Дмитрий Зубов чинил им многие обиды и налоги, и чтоб быть у них в Красноярском комендантом вышепомянутому Козлову, а оное их прошение послать из Томска в Тоболск, к вам ближнему столнику и сыну боярскому губернатору князю Алексею Михайловичу Черкасскому с товарищи». Сержант отказался его принять, второе же, только от ясачных людей, «не принять не посмел, потому что вышеписанные иноземцы приезжали с Красного яру в Томск нарочно для подачи доношений и оной челобитной на помянутого коменданта Зубова, и оную челобитную, приняв, прислал он, Чеботаев, в Тоболск» [9].

И.М. Лихарев, получив это челобитье, удовлетворяет просьбу Ильи Нашивошникова и Ошарова отпустить их домой, как явившихся добровольно, на поруки до начала следствия по их делу. На это решение, вероятно, повлияло завидное хладнокровие и самообладание, которые Иван Михайлович проявил при серьезной неопределенности своего положения. Он познакомился и смог оказаться полезным геодезисту Петру Чичагову, приданному комиссии Лихарева, для составления карты Южной Сибири и золотодобываемых мест. Петр I,

несмотря на арест М.П. Гагарина, все же не оставлял мысли о доступе к «песошному золоту». В 1720 г., со слов бывалого красноярского сына боярского Ильи Нашивошникова и других информаторов, П. Чичагов, первым из русских геодезистов относительно верно нанес на карту «Чертеж о Сибири и контайшиной земли» и новоприсоединенные земли по Верхнему Енисею [10]. Не исключено также, что с Ильей встречался и И.М. Лихарев, которому царь поручал проведать об Яркентском песочном золоте, и если оно там есть, то поставить острог на озере Нор-Зайсане» [11], и красноярский дворянин сумел убедить майора о ненужности следующего за Саянским острога внутри Саян. По крайней мере, об этом власти уже не вспоминали.

В 1722 г. стали разбираться с красноярским делом и вызвали челобитчиков снова в Тобольск. Однако вскоре последовало крупное Тарское восстание с самоожжениями староверов, поэтому о красноярцах вновь забыли, тем более что в Красноярск уже был назначен новый воевода Шетнев, а Д. Зубова уже в конце 1721 г. новый губернатор, князь Черкасский, назначил в Сургут.

Таким образом, красноярцы избежали наказания за самовольства при возведении Саянского острога и добились главного – отмены строительства второго острога в Саянах и связанных с его обслуживанием крайне обременительных служб. Вновь, как и в первую шатость, им удалось избежать репрессий за открытое неповиновение местной власти. Вместе с тем они сорвали далеко идущие экономические и геополитические, но утопичные планы самого Петра I.

Илья Михайлович Нашивошников-Суриков, как представитель служилой казачьей верхушки, не случайно оказался организатором народного движения не только против произвола местной администрации, но и против чреватых чрезмерными тяготами, ошибочных решений даже верховной власти. «Государева служилая рать», как именовали себя сибирские казаки, добровольно верстались на службу, то есть считала себя в договорных отношениях с государством. Отношения с присылаемыми воеводами, дьяками и подьячими строились не на слепом подчинении, а на партнерских началах. Они считали себя вправе оспаривать воеводские распоряжения, действовать самостоятельно в выполнении своих служебных задач.

Злоупотребления властью, служебным положением и произвол даже в отношении к другим слоям населения, с которыми казачество находилось в тесных родственных связях, расценивались как «государева измена». Тем более, что сама центральная власть, вплоть до открытого легального неподчинения, поощряла своего рода гражданский контроль снизу за местной администрацией из российских дворян-крепостников, нередко допускавших в далекой зауральской окраине дикий произвол. Грамотность, хорошее знание законодательства, порядка делопроизводства, своих прав и юридического статуса у сибиряков, особенно казачества, были средствами защиты своих корпоративных и сословных прав. В течение более 100 лет в этих условиях формировались такие черты характера русских сибиряков как вольнолюбие, смелость, развитое чувство собственного достоинства, самостоятельность в суждениях и действиях, деловитость вкупе с размашистым отношением к имуществу и даже к жизни, сочетание идеализации верховной власти с критическим отношением к ее присылаемым представителям на местах.

Служилая и имущая верхушка сибиряков стремилась юридически получить наследственный статус российских дворян-помещиков с правом иметь населенные земли. Верховная власть, желая монопольно получать доходы из богатейшей зауральской окраины, крайне неохотно шла навстречу казачьей старшине. Лишь немногие получали статус «детей боярских и дворян московского списка», то есть потомственных «служилых людей по отечеству», а остальная казачья старшина оставалась в «сибирском списке», не дававшим такого привилегированного статуса. По социальной же сути, те, кто использовал в своих зажиточных хозяйствах подневольный труд, являлись носителями архаичных феодально-крепостнических отношений и этнической эксплуатации «девок и парней мунгальской, калмыцкой и другой породы».

В пограничном Красноярском уезде, где в 1720 г. было более трети казачьего населения, а в городе – 70 процентов, и жители в целом представляли собой вооруженный народ, эти ментальные особенности и социально-сословные интересы проявлялись ярче.

В частной жизни Илья Михайлович, как и уже многие красноярские служилые люди, был «семьянинистым» человеком. По полной «ландратской» переписи 1713 года у сотника конных казаков Ильи Нашивошникова с женой Натальей были сыновья Иван 17 лет (род. 1696) и Федор 5 лет (род. 1708) и четыре дочери Майя – 12 лет, Анна – 10 лет, Прасковья – 8 лет, Ирина – 7 лет. Кроме того, ему принадлежала семья «дворового иноземца с женой Маврой, сыном Ларионом 5 лет, Иваном 2 лет и младенцем Иваном же. Всего же в его дворе числилось 8 душ обоего пола» [12]. Со временем грамотный сын Иван вырос и обзавелся семьей, унаследовал отцовское звание «сын боярский», но не вышел из под воли отца. Правда, общее хозяйство было в долевой, а работники из кабальных и «новокрещенных» иноземцев были у каждого свои в частной собственности. Так, в подушной переписи 1720 года под № 196 записано: «Двор дворянина Ильи Нашивошникова. И он, Илья, под опасением смертной казни сказал: он, Илья, – пятьдесят шести лет. Детей у него: Иван – дватцати семи лет, Федор – четырнатцати лет. Дворовых людей, крепостных: Осип – дватцати лет, Леонтий – тритцати лет; закладной (человек) – Игнатей – четырна(тцати лет).

У Ивана сын Петр – тринаццати недель, дворово(й ?) – тритцати пяти лет. Сын у него Семен – четыре(х лет. Абу)де он, Илья, сказал что ложно, и за такую ево (ложную сказку) указал бы Великий Государь казнить смертью. К сей с(казке по) велению отца своего Ильи Нашивошникова Федор Нашивошников руку приложил» [13].

Эта большая семья имела заимку, позже деревенька Еловская или Нашивошникова, на речке Еловка, ниже Зеледеевой с южной стороны впадающей в Качу в трех верстах от устья [14].

Илья Михайлович был рачительным хозяином. Дом его и семья целых четыре месяца удовлетворяли запросы педантичного ученого иностранца Данила Готлиба Мессершмидта, который пытался даже вторично в октябре 1722 г. стать у «дворянина Сурикова-Нашивошникова» на постой [15]. Хозяин и его сын Иван, будучи грамотными, были интересными собеседниками. Они обладали обширными познаниями о географии, растениях, животном мире и ясачных людях Енисейской Сибири, местном делопроизводстве.

Илья добился, чтобы оба сына были грамотными, что помогло им влиться в число красноярской служилой старшины и состоять там до 60 гг. XVIII в. [16].

Илья Михайлович Нашивошников дожил до преклонных лет. С ним общался в 1740-х гг. Г.Ф. Миллер, а в 1762 г. высылался хозяину беглый «закладной человек Ильи Нашивошникова» [17].

Примечания:

1. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII веке. Новосибирск: Наука СО, 1981. С. 54-56; История Красноярска. Документы и материалы XVII – первой половины XIX века. 2-е изд. Перевод с нем. Л.Б. Гардера и Г.Ф. Быкони. Составитель, автор введения и комментариев Г.Ф. Быконя. Красноярск: Офсет, 2000. Ч.1. Док. № 33 - 40. С. 147 - 68; Быконя Геннадий. Вторая Красноярская шатость // Енисей. №1. 2003.С.24-31;

2. Быконя Г.Ф. Кто основал Саянский острог – Илья Нашивошников или Илья Суриков? // Сборник материалов научно – практической конференции «Древние поселения Сибири: охрана, сохранение, использование», посвященной 295-летию Саянского острога (26 июля 2013 г.). п. Шушенское, 2014. С. 30 - 55.

3. РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 5. Д.1824. Л. 5 об.

4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1954. Л.1-2 об.

5. РГАДА. Ф. 371(Преображенский приказ). Оп.1. Д. 869. Л. 15, 3

6. Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620 – 1720 гг. Барнаул, 2015. Гл.13, 17.

7. РГАДА. Ф. 371. Оп.1. Д. 1869. Л. 8 – 8 об.

8. РГАДА. Ф. 371. Оп.1. Д. 1869. Л. 88, 34 -35.

9. РГАДА. Ф. 371. Оп.1. Д. 1869. Л. 64 об, 66, 88

10. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII веке. Новосибирск: Наука СО, 1981. С. 29; Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620 – 1720 гг. Барнаул, 2015. С. 344.

11. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032 – 1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993.

С.115; Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы. Гл.19 - 21.

12. РГАДА. Ф. 214. Оп.1. Д. 2242. Л. 2; История Красноярска. Документы и материалы XVII – первой половины XIX века. С.167.

13. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 5537(1601). Л. 15; Перепись города Красноярска и его уезда. 1719-1722. Подготовил и издал И.А. Сиротинин. Москва: Ломоносовъ. С.73.

14. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1981, С. 29.

15. Мессершмидт Д.Г. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721-1722. Перевод, составление, вводная статья и комментарии Е.А.Ким. С. 59, 65, 67, 157.

16. РГАДА. Ф.1019. Оп.1. Д. 65. Л. 47 об., 90.

17. РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 1657. Л. 2.

Острог в Саянах и проблемы русско-китайских отношений

Владимир Григорьевич Дацышен, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, г. Красноярск

На 2018 г. приходится два юбилейных события, связывающих историю русского освоения Саянской Сибири и русско-китайских отношений. В 1618 г. первая русская экспедиция прошла через Саяны в Пекин, дав начало прямым русско-китайским отношениям. В 1718 г. был построен Саянский острог, зафиксировав реальную границу русского освоения Сибири и предопределив русско-китайское разграничение 1727 г. До настоящего времени степень изученности этих событий в связи с историей русско-китайских отношений остается недостаточной. В России на уровне власти и общественности два этих юбилея остались незамеченными. Китайские историки вообще никак не отреагировали на юбилеи. Тем более в китайской исторической науке, в отличие от российской, не выявлены документы, отражающие, ни первое посещение Пекина казаками, ни реакцию китайских властей на строительство Саянского острога.

История русского освоения Южной Сибири восходит к началу XVII в. Всего лишь через несколько лет после перехода отряда Ермака через Урал русские начали освоение Саяно-Алтая. Что влекло русских в дальние неизведанные земли, зачем России нужна была Сибирь? До сих пор сложно понять и рационально объяснить такое явление, как русское освоение Сибири. И даже не столько здесь интересным представляется вопрос о том, каким образом в течение жизни одного поколения маленькая, бедная, раздираемая внутренними противоречиями и конфликтами Московия, смогла завоевать и освоить территорию от Урала до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до Монголии и Китая. Главный вопрос – зачем ей это было надо?

Напрямую связь присоединения Сибири и русско-китайских отношений указывает утверждение Н.М. Карамзина: «Уже твердо зная путь в сию столицу Едигерову и Кучумову, где бывали чиновники Московские, любопытный Иоанн... в 1567 году послал двух Атаманов, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, за Сибирь на Юг... Так мы узнали Китай, быв обязаны сим первым достоверным об нем известием редкому смыслу, мужеству, терпению двух Козаков». Исследователи всегда указывали на неубедительность доказательства данного факта, но и все выявленные исследователями события указывают на прямую или косвенную связь между русским движением в Сибирь и поисками дорог в Китай.

Причин русского завоевания было много, но главные из них лежат в экономической сфере. Русское освоение Сибири явилось частью великих географических открытий, вызванных потребностью открытия и захвата новых торговых путей между Западом и Востоком. В XV в. турки захватили Константинополь и перерезали основные дороги, ведущие из Европы в Азию. Испанцы и португальцы нашли и завоевали новые дороги на Восток. Другие страны Европы также попытались найти свои дороги на Восток. Поскольку Северный Ледовитый океан оказался непроходимым, то в Азию можно было попасть лишь через территорию Русского государства, а путь в Китай лежал через Сибирь. Попытки англичан утвердиться в устье сибирских рек были пресечены Москвой, а присоединение Сибири соответствовало потребностям эпохи первого русского царя Ивана Грозного. Россия после гибели Константинополя стала наследницей Восточной Римской империи, она брала на себя обязанности мировой державы и изыскивала средства для осуществления своей миссии.

В чем же был экономический интерес России в Сибири? Контроль над транзитными торговыми путями должен был обеспечить стабильные поступления в казну таможенных пошлин и сборов. Не меньшее значение для экономики Русского государства должна была сыграть пушнина, русские поставляли сибирскую пушнину на рынки Европы еще со времен Новгородской республики. Кроме того, Русское государство нуждалось в собственном серебре и золоте, поиски которого были в числе приоритетных задач присоединения Сибири.

Горы Южной Сибири занимали ключевое место в планах реализации экономических интересов Московского государства в Азии. Именно через Саяно-Алтай проходили кратчайшие пути в Китай, за этими горами находились ставки правителей, собиравших пушной дань с сибирских народов. Засаянский край ко времени прихода русских в Сибирь находился под властью правителя монгольского племени хотогойтов, называемого русскими Алтын-ханом. На Алтай претендовали правители зарождавшегося Джунгарского ханства.

Говоря о связи русского освоения Сибири с русско-китайскими отношениями, начать нужно с проблемы, когда и зачем русские впервые вышли на Енисей. Общепринятым и, казалось бы, бесспорным остается утверждение о том, что это произошло на севере и связано было со сбором пушнины с местного населения. Однако до сегодняшнего дня нет ни одного достоверного свидетельства появления русских на правом берегу Енисея на севере раньше, чем это произошло в Хакасско-Минусинской котловине. К 1607 г. казаки уже посетили Тубинскую землю, а в 1608 г. было направлено посольство к Алтын-Хану в верховья Енисея. В книге И.Э. Фишера «Сибирская история», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1774 г., говорится, что до 1616 г. «...россияне ходили за Енисей и некоторых Алтын-Хану подвластных народов склонили на свою сторону». К 1618 г. вхождение Хакасско-Минусинской котловины в состав Русского государства было закреплено на международном уровне. В «наказной памяти, данной из Посольского приказа послам в Швецию» в 1617 г. говорилось: «...учинились под его, великого государя нашего, рукою многие новоприбыльные государства и земли... Киргиская земля, Табынская земля, Саянская земля, Долмацкая земля. А по всем тем землям живут разные князьки по разным своим кочевьям, и люди у них многие. И наперед сего те все земли ни с которыми христианскими и мусульманскими государями не токмо под чьею рукою, и в ссылке ни с кем не бывали».

В 1616 г. русское посольство проехало через всю южную часть Енисейской Сибири. Казаки прошли по Чулыму до, вероятно, самого узкого места водораздела, перешли на Енисей, по которому поднялись до устья Абакана, а далее долиной Абакана вышли на водораздел

с Кемчиком. Первое успешное русское посольство к правителю монгол-хотогойтов Алтын-хану позволило прояснить многие вопросы, касающиеся не только дорог, но и связей Южной Сибири с Китаем. В донесении Василия Тюменца и Ивана Петрова от 15 декабря 1616 г. говорилось: «А киргискова де государства люди при нас у золотова царя были, мы де Васька да Ивашко про китайское государство расспрашивали, и они де нам сказывали, что у нас-де в Китае царь есть, а имя ему Акбарык, а город-де каменной; а бой-де ратной – пищали да пушечки».

В 1618 г. первая русская экспедиция под руководством томского казака Ивана Петлина, в составе Андрея Мадова, Петра Кызылова и еще около 10 человек, была направлена тобольским воеводой И.С. Куракиным в Пекин. Русских в столице империи Мин приняли торжественно, но отсутствие официальных бумаг и подарков не дали возможности провести переговоры с высшим руководством страны, к императору казаков не допустили. Главной целью этой экспедиции, вероятно, было налаживание прямой торговли между Сибирью и Китаем. В документах, выявленных выдающимся китаеведом архимандритом Петром (Каменским), отмечается, что в начале 1619 г.: «при Китайском Императоре Ваньли были в Китае два русских человека и трактовали о торговом обоюдном сношении».

Московское правительство, опасаясь сибирского сепаратизма, запретило прямые русско-китайские связи через Саяны. В грамоте из Посольского приказа тобольскому воеводе М.М. Годунову в 1620 г. предписывалось: «А впредь бы есте с Алтыном-царем и с Китайским и с Мугальским государством без нашего указу ни о чем ссылки не держали, потому что те государства дальние, и торговым людем ходити от них в наши государства далеко».

Русское правительство так «засекретило» все материалы о первой русской экспедиции в Китай через Саяны, что о нем не знал даже первый образованный профессиональный российский дипломат «посольского приказа переводчик» Н.Г. Сафарий, изучавший по пути в Китай в 1675 г. все документы и материалы о русско-китайских отношениях. Отчет И. Петлина в Москве был засекречен, хотя

в 1625 г. отчет был опубликован в Лондоне, а затем и в других европейских городах. А опубликовавшие во второй половине XIX в. материалы Н.Г. Спафария русские историки утверждали, что казаки были в «городе Киргиз» и на Абакане «преж Ермакова взятия Сибири», в 1567 г., но не вспомнили экспедицию И. Петлина. Н.Г. Спафарию было предписано самостоятельно найти самый удобный путь из Сибири в Китай, но российский дипломат не узнал о существовании кратчайшего пути через Саяны.

Что касается самых подробных сведений о южной части Енисейской Сибири, которые Н.Г. Спафарий смог получить в Енисейске во второй половине XVII в., то они выглядели таким образом: «А не пишем про Енисей и для того, что вершина той реки не знается; только сказываю, что вершины ея недалеко от обских... А из Красного яру далеко еще ходят вверх по Енисею-реке. И в Красноярском уезде множество деревень есть и служилых людей с 1000, только всегда опасно от Кыргызы... А ходят красноярские по Енисею по хмель... А до большого порогу не доезжая есть место, утес каменный по Енисею. На том утесе есть вырезано на камению неведомо какое письмо... А никто не ведает, что писано и от кого. И за тем местом начинается страшный порог о Енисею, по котором никто не смеет ходить на судах... Только ходят дорогою и обходят тот порог по 5 дней... А ходят они за порог по хмель на острова. А далее того Русские люди не ходят...»

Не только боязнь Московским правительством «сибирского сепаратизма» и труднодоступности гор Южной Сибири отодвинули перспективу русско-китайских отношений на этом направлении. Почти весь XVII в. был «смутным временем», как в истории Китая, где сложно и болезненно шел процесс смены правящей династии, так и в истории Центральной Азии. И лишь к началу XVIII в. ситуация в Восточной Азии стабилизировалась, маньчжурские правители получили не только «Мандат Неба» в Китае, но стали «Наследниками Чингиз-хана». В новый этап своей истории вступило и Русское государство, Россия стала империей.

В начале XVIII в. история русского освоения Южной Сибири отчасти повторялась. Территория Хакасско-Минусинской котловины

вновь вошла в состав Русского государства. Процесс этот вновь был обусловлен проблемами русско-китайских отношений. Только теперь отношения развивались между двумя новыми государствами – большими амбициозными империями. На карте итальянского миссионера художника Маттео Риппа, составленной в конце XVII в. и напечатанной в 1712 г., указаны реки Енисей, Ус и Хемчик, а также другие названия. На территорию Саян Пекин претендовал на том основании, что в 1686 г. сейм монгольских князей признал вхождение вассальных хотогойтских территорий в удел брата последнего Алтынхана. Несмотря на договор о вечном подданстве России, в 1891 г. правитель удела Гэндун вместе с другими халхаскими князьями принял подданство маньчжурской династии. Пользуясь покровительством Пекина и слабостью России, монгольские князья обложили данью местное население, уже платившее ясак русским. В начале XVIII в. власть над уделом хотогойтов была передана приемному сыну Гэндуна Бубэю, которому в 1709 г. Пекин «высочайше пожаловал» территорию Верхнего Енисея. В 1715 г. по инициативе Бубэя монгольские войска захватили район Хемчика и увели часть местного населения на юг.

Примером вмешательства в события политической борьбы в Южной Сибири Пекина служит «Лист Лифаньюаня судьбе Сибирского приказа Ф.Ю. Ромодановскому с протестом против постройки русскими города на урочище Хонгорай» 1708 г. В документе по поводу строительства Абаканского острога говорилось: «...известно нам чиня, что на нашей земле, на урочищах Хонгороя, русские люди поставили город... для чего вы на наши земли самовольно построили город, и жить вам здесь невозможно... И тот Хонгороя – места издавна владения нашего Гендуна Дайчина, ево киргис, уранхай, моторы, их кочевья. А ныне все мунгалы и калмыки к нашему богдыхану поклонились... А сей лист дойдет, и вы велите тот новопоставленный город разорить». В феврале 1722 г. сибирский губернатор сообщал в Сенат: «Октября де 24 дня 721 году явились в Селенгинскуис Китайского государства два стольника... При тех стольниках и заргучеях четверо башков, 20 человек служителей их... для осмотра за Байкалом-морем окинских вершин, где есть Саянский камень».

В начале XVIII в., в отличие времени первого присоединения Хакасско-Минусинской котловины, уже имелись русские города на Енисее. В это время центром русско-китайских политических и торгово-экономических отношений в Приенисейском крае был Енисейск. Енисейские казаки построили Нерчинский и Селенгинский остроги. Важную роль в системе русско-китайских отношений играли Красноярск и Абаканский острог. После окончательного закрепления Хакасско-Минусинской котловины за русским государством на повестку дня был поставлен вопрос о разграничении владений Российского и Цинского императоров. В 1715 г. Петр I объявил: «... реки Обь, Енисей и Лена искони сибирские, и от устья, где впади в Северное море, и до гор, из которых те реки потекли; тако ж которые реки впади в них, то те земли, откуда потекли те реки, земля царского величества». В 1716-1717 гг. предполагалось построить остроги на территории Тувы, для чего туда командировались дети боярские Андрей Еремеев и Иван Нашивошников. Как сообщил И. Нашивошников, экспедиция прошла «выше Кемчуга реки... за Саянским камнем на речке Джакуле». Исследователи составили первую карту Саянских земель и представили ее красноярскому воеводе вместе с описанием пройденных маршрутов.

Активно занимался развитием отношений с Китаем первый Сибирский губернатор М.П. Гагарин. Например, в его обращении к китайским пограничным властям от 1 мая 1716 г. говорилось: «По указу нашего великого государя отпущены из сибирских городов в Китайское государство царского величества нашего государя люди с товарами в посланной караван к камисару Михаилу Гусятникову дворянин Стефан Ожегов да при нем четыре человека служилых людей. И как оный дворянин и при нем будущие служилые люди на границу богдыханова величества приедут, и их до Китайского государства до Пежина в караван его царского величества нашего великого государя по сем нашему объявлению пропустить их без задержания всякого; и оному дворянину и при нем будущим людям до Пежина о провожатых и о подводах и о корму против мирных договоров учинить по указу богдыханова величества. Вашае вельможности всех благ желатель царского пресветлого величества всемилостивейшаго нашего государя Сибирирегнум губернатор князь Матвей Гагарин».

Одновременно Сибирский губернатор занимался укреплением за Россией пограничных с Цинской империей территорий в Саянах. В «Доношении сибирского губернатора М.П. Гагарина царю Петру I о постройке пограничных крепостей» от 16 марта 1717 г. сообщалось: «Еще доношу величеству вашему: по Енисею реке вверх до Саянского камня и за Саянским камнем велел ныне же делать крепости из Красноярского города и населять, великий государь, буду из разных городов. И для того строения послал стольника Дмитрия Зубова. Тако ж, государь, и на Косоголе-озере крепость делать из Руцкого велел». В октябре 1717 г. М.П. Гагарин сообщил в Кабинет: «...на том озере против указу великого государя город зделан, и ныне в том городе 100 человек казаков оставлено, правиантом удовлетворены, и по милости божии от такого неприятеля сидеть могут».

Однако М.П. Гагарину не удалось добиться реализации своих планов по укреплению за Россией всей Енисейской Сибири. Отчасти это было связано с сопротивлением казаков, не желавших осваивать труднодоступные отдаленные территории. Подготовительные мероприятия по строительству острогов в Саянах привели к конфликту между властью, представленной комендантом Красноярска Д.Б. Зубовым, и казаками, не верившими в успех данного предприятия. Нежелание казаков ставить острог у Большого порога послужило одной из причин второй красноярской шатости. В конечном итоге, русские власти вынуждены были ограничиться строительством лишь одного острога у подножья Саян. Сопротивление казаков заставило правительство отказаться от идеи утверждения на всей территории Саяно-Алтая. А в 1719 г. был уволен с должности губернатора сам М.П. Гагарин. Несмотря на то, что в 1720 г. даже из Пекина пришло письмо в защиту Сибирского губернатора, М.П. Гагарин был жестоко казнен. Здесь можно отметить, что многие известные русские деятели, занимавшиеся налаживанием отношений с Китаем, во времена Петра I были подвергнуты репрессиям. Например, в еще в 1698 г. умер находящийся под арестом первооткрыватель Кяхтинского пути в Китай торговец Г.Р. Никитин. Россия надолго потеряла южную часть Енисейской Сибири.

После длительных и сложных переговоров в августе 1727 г. был подписан Бурейский трактат, наметивший пограничную линию

от Аргуни до владений Джунгарского государства. Осенью того же года по новой линии границы в Саянах проехал пограничный комиссар С.А. Колычев вместе с сопровождавшими лицами, около 200 человек, среди которых были женщины и дети. Остается вопрос, каким образом такой обоз в кратчайшие сроки прошел по непроходимым ныне местам. Окончательной точкой маршрута С.А. Колычева в Южной Сибири был Абаканский острог, куда весь обоз прибыл 14 ноября 1727 г. В письмах и отчетах С.А. Колычева по неизвестным причинам вообще не упоминается Саянский острог. Вообще, имеются разные свидетельства о наличии в Саянах в XVII – начале XIX вв. дорог, сегодня неизвестных. Сибирский историк Т.С. Мамсик приводит пример, когда ссыльный бухтарминец в начале XIX в. «сказывал» досмотрщику Бухтарминской пограничной таможни, что собирался возвращаться «к Иркутску прямым трактом через пределы китайские на город Красноярский».

Сложные и противоречивые события русско-китайского разграничения в Саянах в начале XVIII в. породили проблему «утраченных территорий». На протяжении второй половины XVIII – и почти всего XIX вв. о необходимости «восстановить справедливость» и отобрать у Цинской империи верховья Енисея говорили лишь ученые и «геополитики». Ограниченность ресурсов Русского государства и русского населения Сибири, а так же освоение Алтая в это время были серьезным препятствием для актуализации данной проблемы. Но во второй половине XIX в. ситуация постепенно менялась. В письме известного литератора Н.С. Щукина генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву от 14 февраля 1859 г. говорилось: «Теперь остается поправить ошибки, сделанные Графом Владиславичем. Граница наша на Запад от Кяхты проведена гадательно: где есть знаки, где нет ничего... Для этой страны сама природа устроила границами реку Селенгу, озеро Косогол и реку Енисей. Китайцы не будут спорить о местности, для них совершенно бесполезной». Вскоре русские торговцы, староверы, хакасы и другие группы населения самостоятельно стали осваивать самую южную часть Енисейской Сибири. Наступивший почти через триста лет после прихода русских в Саяны новый этап русского освоения Южной Сибири вновь был тесно связан с новым этапом развития русско-китайских отношений.

Список источников и литературы:

1. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 гг. – Казань, 1882.
2. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, 1981.
3. Бутанаев В.Я. Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII - нач. XVIII вв. - Абакан, 1995.
4. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. - Минусинск, 1913.
5. Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии. – М., 1889.
6. Дацышен В.Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616-1911 гг. – Томск, 2005.
7. Карамзин Н.М. История Государства Российского. – М., 1989.
8. Козьмин Н.Н. Казачьи земли. - Красноярск, 1917.
9. Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. – Новосибирск, 1989.
10. Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи. – СПб., 1888.
11. Очерк сношений России с Китаем через Сибирь и Монголию до 1675 года // Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева. – СПб., 1882.
12. Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. I. - М., 1978.
13. Русско-китайские отношения в XVIII в. Документы и материалы. Т. III. - М., 2006.
14. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Сибирский хронограф, 1996.
15. Фишер И.Э. Сибирская история // Урянхай Тыва дептер. Антология в 7 томах. Т. 3. – М., 2007.

Виртуальная «жизнь» Саянского острога

Леонид Валентинович Еремин, кандидат исторических наук, научный сотрудник ГАУК «Хакасский республиканский национальный музей-заповедник», Аскизский район, д. Казановка

Константин Сергеевич Новоторженцев, директор ГАУК РХ «Центр информатизации и новых технологий», г. Абакан

Саянский острог, находившийся на территории современного Шушенского района Красноярского края, был построен в 1718 году. Это самый южный из енисейских острогов. В период с 1987 по 2001 годы он детально исследовался археологическим отрядом Новосибирского государственного университета [1]. Можно сказать, что уникальному историко-архитектурному объекту повезло, Саянский острог – единственный на территории Сибири практически полностью изученный объект русской фортификации [2]. По этой причине Саянский острог является наиболее перспективным для музеефикации памятником древности енисейского Присаянья. По всем критериям, принятым в отечественном музееведении, Саянский острог должен был бы стать историко-архитектурным парком, археологическим музеем или музеем под открытым небом [3]. Тот факт, что этого до сих пор не произошло, указывает на проблемы с паблисити у этого археологического раритета. Из-за недостаточной информированности о его истинной ценности общественность, музейные работники, органы власти не готовы нести трудовые и финансовые затраты ни на музеефикацию, ни на продвижение Саянского острога как, в перспективе, одного из культурных центров региона.

В этой ситуации сотрудники Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» принимают, как нам кажется, совершенно оправданное решение. С целью популяризации памятника разрабатывается проект, итог которого – создание виртуального образа Саянского острога.

Основным исполнителем проекта стал Центр информатизации и новых технологий (Республика Хакасия), уже имеющий опыт создания виртуальных образов объектов археологии на территории Хакасии. В частности, Центром информатизации разрабатывались в формате VR (виртуальной реальности) Боярская писаница (петроглифы конца I тыс. до н.э.) и Салбыкские курганы (6-5 вв. до н.э.). Эти объекты были презентованы специалистам и широкому кругу участников на международных форумах историко-культурного наследия «Сибер Ил» в 2015 и 2016 годах.

Идея проекта «Виртуальная жизнь Саянского острога» заключалась в разработке программного продукта, который содержал виртуальный образ объекта, с элементами интерактива, т.е. возможностью у пользователя проявить самостоятельность в выборе порядка и способа знакомства с «острогом».

Программа реализации проекта включала в себя два основных этапа и семь «шагов». Первый этап – формирование базы данных об объекте, второй – создание и тестирование программного продукта:

1. Создание электронной базы данных о Саянском остроге (все публикации, схемы, реконструкции, иллюстрации находок);
2. Фотофиксация историко-культурной и ландшафтной ситуации (общий вид);
3. Детальное фотосканирование прилегающих к объекту территорий (специалистами было сделано более 16 тысяч фотографий);
4. Фотосканирование текстуры материалов, из которых мог быть изготовлен острог и отдельные сооружения (для основы текстуры использовались объекты и предметы экспозиции музея-заповедника «Шушенское»);
5. Компьютерное моделирование объекта и прилегающих ландшафтов;
6. Проверка полученного материала на историческую достоверность (консультации со специалистами, основной консультант – Сергей Григорьевич Скобелев, автор раскопок Саянского острога);
7. Создание интерактива и пользовательского интерфейса программного продукта «Саянский острог».

Следует отметить, что получившийся программный продукт

создавался с учетом возможности его дальнейшей детализации. То есть для того, чтобы, к примеру, дополнить имеющийся звуковой или изобразительный ряд, достаточно всего лишь внести изменения в содержание уже написанной программы.

Перспективы использования «виртуального острога»:

- На площадке Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» – создание информационных стендов и VR-экспозиции;
- На площадке «Объект культурного наследия «Саянский острог» (станция Саянская) – экскурсии в режиме AR (дополненной реальности).

Разработанный программный продукт может также в качестве основы быть использован для создания тематической компьютерной игры и интерактивного электронно-методического учебного пособия.

Хочется верить, что «виртуальная жизнь» Саянского острога позволит сотрудникам Музея-заповедника «Шушенское» максимально наглядно раскрыть одну из своих ведущих экспозиционных тем – «историческая архитектура Сибири», посетителям – глубже и подробнее узнать о славных страницах истории нашей Родины, а органам власти – создать историко-культурный центр, который через развитие туризма будет способствовать решению социальных проблем региона.

Примечания:

1. Скобелев С.Г. Саянский острог – памятник русской эпохи в истории Евразии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. – С. 185-207; Шаповалов А.В. Саянский острог – памятник материальной культуры русских первопроходцев Южной Сибири XVIII в.: автореф. дис. канд. исторических наук: 07.00.06. / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета, 1997. - 22 с.

2. Скобелев С.Г. Саянский острог – русский форпост в центре Азии // Наука в Сибири, 2001. - № 16 // <http://www-sbras.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?9+44+1>. 11.05.2013.

3. Еремин Л.В. «Историко-архитектурный раритет» и «тематический парк»: к постановке проблемы музеефикации Саянского острога // Сборник материалов научно-практической конференции «Древние поселения Сибири: охрана, сохранение, использование», посвященной 295-летию Саянского острога / КГБУК Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское». – п. Шушенское, 2014. – С. 92-97.

История земли саянской

Любовь Дмитриевна Котенок, учитель истории
МБОУ «Синеборская СОШ», Шушенский район, п. Синеборск

В преддверии 300-летнего юбилея Саянского острога мы с ребятами, ознакомившись с материалами об этом памятнике, решили более конкретно узнать этапы развития саянской земли и оформить собранный материал в книгу. Идея создания книги не была случайной. Я, как уроженка Саянской земли, посчитала своим долгом оформить описание жизненного пути острога, станицы, села Саянска. В нашей школе ведется элективный курс «Малая родина», где я ребятам рассказала об остроге четыре года назад, и у них появилось желание работать по теме.

С группой семиклассников мы совершили экспедицию в Саянск: осмотрели место острога, посетили казачью музейную комнату, встретились с представителями казачества села П.А. Лауксом, В. Штукманом. На сегодня мы совершили уже 4 экспедиции с другим составом краеведов, во время которых встречались со старожилами села В.В. Филипповой, Т.Г. Дырнаевой-Апуниковой, В.И. Пиневской, А.М. Давыдкиной, А.В. Солдатовой, Н.И. Беляковой. Оказывали помощь детям войны по хозяйству, убирали захоронения значимых для истории села людей: А.П. Преображенского – учителя 1930 – 1940-х годов, награжденного орденом Ленина за свой вклад в историю села; А.А. Богдановой – председателя колхоза «Память Ленина» в годы Великой Отечественной войны, бессменного животновода, удостоенной ордена Ленина. Ездили в села района: Каптырево, Шунеры, Шарып, Шушенское для сбора воспоминаний потомков саянских казачьих родов. Над собиранием истории Саянска работают более 30 ребят-краеведов.

Самая трудная, но результативная работа проходила в государственных архивах Минусинска, Ермаковского, Шушенского.

Мы очень благодарны сотрудникам архивов за умение обучать ребят бережно и серьезно работать с документами прошлого. Для отдельных ребят это не прошло бесследно. Краеведы – победители исследовательских работ на уровне России – Наташа Чиркова является студенткой исторического отделения СФУ, Фаина Терпенева-Кузьмина готовится к поступлению.

Для краеведов синеборской школы уже стало традицией посещение казачьего фестиваля, где уже третий год ребята выполняют функцию волонтеров. Они участвуют в санитарной уборке прилегающих к музею, к памятнику защитников Родины, к церкви территорий, в подготовке казачьих подворий.

Ребята увлеченно работают над тематическими исследовательскими проектами. Очень достойно они свои работы защищали в г. Москве. Из четырех работ три на уровне России признаны победителями в конкурсе старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век». Исследования: «Стоял казак у гор Саянских», «Саянская деревенька-колхозница», «Письма из военного далёка», «Из огня да в полымя» – работы-призеры – вошли в книгу «Земля Саянская». Постоянные авторы работ ученики Синеборской СОШ Виолетта Лазарева, Альбина Кузьмина, Фаина Терпенёва, Анастасия Шевцова, Сергей Кочетков.

Что же можно прочитать на страницах нашей книги? Книга познакомит с трехсотлетней историей саянской земли, которая послужила стартом для заселения русскими юга Енисейской губернии. Трепетное соприкосновение с газетами «На ленинском пути» Ермаковского района, «Искра Ильича», позволило передать атмосферу жизни сельчан в годы Великой Отечественной войны. По газетным страницам и протоколам сельского Совета, правления колхоза высветилась картина послевоенной жизни. Благодаря собранным воспоминаниям потомков и старожилов села, саянских казаков, можно прикоснуться к судьбами многих казачьих семей.

Главы книги выдержаны в хронологической последовательности. Показан самоотверженный подвиг казаков XVIII века. Найдены и вписаны фамилии первых воинов-казаков острога и форпостов на юге губернии. В отдельные статьи выделен XX век, где имеет

место преданность клятве казачества на верность царю и Отечеству, возрождение земли в двадцатые годы после революционных бурь, горькие строки о трагической судьбе казачьих семей в процессе коллективизации. На станицах книги можно найти воспоминания, факты фронтового и трудового подвига в годы грозных испытаний 1941-1945 годов, прописаны фамилии героев и их боевые награды со ссылкой на Книги Памяти и данные сайта «Подвиг народа» Шушенского и Ермаковского райвоенкомата.

Содержит издание богатый иллюстративный материал: исторические фотодокументы, снимки из семейных архивов, передающие факты, лица земляков и дух времени. Многие документы и фотографии приведут читателя к собственным взглядам и выводам на прошедшие события.

От имени ребят – исследователей Синеборской СОШ – и себя лично сердечно благодарю за поддержку нашего проекта главу Шушенского района А.Г. Керзика, помощника депутата Законодательного Собрания Красноярского края Е.Е. Васильева С.И. Давыдова, заместителя главы Шушенской администрации по социальной политике Л.В. Пивень, руководителей шушенского образования В.Н. Шифрина и В.Ю. Киримова, директора Музея-заповедника «Шушенское» Г.А. Бугаеву, заместителя директора музея по развитию В.И. Терентьеву, научных сотрудников музея-заповедника О.В. Пилипенко и Т.М. Кикилову, работников Шушенского архива Н.Ю. Фролову и Н.П. Ролик, директора МБОУ «Синеборская СОШ» Н.Г. Каблукову, бывших односельчан – моих современников, потомков казачьих фамилий сёл юга края.

Казачество: традиции духовности и созидания

Сергей Иванович Кулибаба, кандидат искусствоведения, заведующий отделом национальных культур Центра культуры народов России Государственного Российского Дома народного творчества имени В.Д. Поленова, член постоянной профильной комиссии по содействию развитию казачьей культуры Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества, заслуженный работник культуры России;

Дмитрий Викторович Морозов, руководитель Центра русского фольклора Государственного Российского Дома народного творчества им. В.Д. Поленова, член постоянной профильной комиссии по содействию развитию казачьей культуры Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества, художественный руководитель народного хора Российской академии музыки им. Гнесиных, г. Москва

В современной России идет постоянный процесс обновления представлений о роли тех или иных общественных сил в становлении государства, новые поколения граждан нуждаются в доступной и максимально достоверной информации и об исторической роли российского казачества, которое явилось основным звеном, возглавившим отряды активных переселенцев, осваивавших обширные просторы крепнувшей российской империи.

Нельзя идеализировать историю казачества, но необходимо признать, что казаки в большинстве своем представляли собой самодостаточный, организованный на духовных основаниях православной веры и принципах атаманского единоначалия активный и пылкий отряд первопроходцев. Причем не завоевателей, особенно в Сибирских исторических походах, но «дипломатов» и собирателей земель.

«Сразу после военной экспедиции Ермака за Урал и ликвидации Сибирского ханства (1581–1584) начинается государственно-административное и крестьянское земледельческое освоение Сибири. К концу XVII века практически вся она была охвачена сетью русских крепостей и небольших городков... По южной границе русского расселения в Сибири начинают строиться оборонительные линии с казачьими гарнизонами, постепенно вытянувшиеся от Оренбурга до Семипалатинска. Так сложились две основные категории местного населения – старожилы и казаки... Бурные события XVII века резко динамизировали процессы социально-сословной дифференциации населения России. В районах своего раннего поселения (Дон, Северный Кавказ, Яик – Урал) казаки превращаются к этому времени в особый субэтнос со специфическим полувоенным бытом, статусом казачьих войск и выборными войсковыми атаманами. В казачьих традициях формируется свой песенный репертуар и мощные стили мужского ансамблевого пения. Намечаются также новые очаги казачьего заселения, прежде всего, на Нижней Волге, Южном Урале и в Сибири» [1].

Казачья культура – это многоцветье казачьих культур, представляющих уральскую, донскую, кубанскую, сибирскую, дальневосточную особенности. Каждая из них встраивается еще и в региональную традицию — южнорусскую, сибирскую, уральскую, волжскую и т.д. [2].

В формировании казачества, кроме русских, приняли участие украинцы, молдаване, татары, башкиры, коми, мордва, калмыки, казахи, представители народов Северного Кавказа, Закавказья, Сибири.

На территории современной России с начала XVIII в. до Октябрьской революции 1917 г. официально существовали Донское, Терское, Кубанское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Астраханское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска. В большинстве казаки исповедовали православие, также старообрядчество (казаки-некрасовцы), буддизм (казаки-калмыки, казаки-буряты), ислам (казаки-татары, казаки-ингуши), иудаизм (казаки-евреи, казаки-крымчаки).

В ходе Гражданской войны, в процессе политики «расказачивания» и «раскулачивания» (1919–1927 гг.) казачество лишилось

значительной части своих земель, репрессии настигли большинство зажиточных и преданных предыдущему режиму казаков.

Необходимо признать, что глубинными причинами расказачивания явился социальный раскол, существовавший между коренными казаками и крестьянами, живущими на территории казачьих войск. Большевики сыграли на этой проблеме и обернули ее в свою пользу. Казаки столетиями защищали Россию и гибли на полях сражений, однако внутри страны они же выполняли репрессивные функции разгона забастовок и стачек на заводах и фабриках, а также при подавлении крестьянского недовольства. Сами казаки эту службу не любили, но так как они давали присягу, то выполняли свою работу хорошо.

Неравенство было и в земельных наделах казаков и коренных крестьян, при этом большинство недовольных не учитывали необходимости затрат на снаряжение сыновей всем необходимым для воинской службы (строевой конь и снаряжение обходилось в 250 – 300 рублей, а это годовой бюджет семьи). Было много и других причин для социального раскола [3].

В 1980-е гг. начался процесс возрождения казачьей идентичности и культурных традиций на фоне политизации, чему, в частности, способствовала активизация этно-национальных движений на Северном Кавказе [4]. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г. численность казаков составляла 140 028 человек. В 2010 г. казаками себя назвали 67 573 человека.

В настоящее время среди казачьих объединений выделяются: реестровое казачество (взявшее обязательство по несению государственной службы) и общественное казачество. Есть и общественно-политические движения.

Возрождению российского казачества во многом способствовали Указ Президента Российской Федерации от 11 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов" в отношении казачества», Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества

от 3 июля 2008 г., Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 г., утвержденная Президентом Российской Федерации от 15 сентября 2012 г. № Пр-2789, Указ Президента Российской Федерации от 9 февраля 2010 г. № 171 «О форме одежды и знаках различия по чинам членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации» и другие федеральные и региональные законодательные и нормативные акты.

Основными праздниками российского казачества считают 1 сентября – День российского казачества и 14 октября – День Покрова Пресвятой Богородицы.

Крупнейшим этнокультурным мероприятием российского казачества является Всероссийский фольклорный фестиваль-конкурс «Казачий круг».

В данной статье в связи с 300-летием Саянского острога важно напомнить о весьма актуальном для современников положении Указа Президента РФ «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» – о том, что «в соответствии с законодательством Российской Федерации о местном самоуправлении на территориях компактного проживания казачества могут использоваться традиционные формы казачьего самоуправления. Выбор формы самоуправления производится на основе свободного волеизъявления граждан (местного референдума)» [5].

Социокультурную деятельность, творческие процессы местного сообщества в тех муниципальных образованиях, в которых компактно проживают носители традиций российского казачества, могут непосредственно регулировать, беря на себя полную ответственность, представители современной элиты казаков, последователи истинного атаманского единоначалия.

В таком случае особая казачья культура могла бы стать основой жизни, вдохновения, духовного развития и возрождения поселений, комплексной социокультурной модернизации, эффективного управления, выработки унифицированных подходов к формам социокультурной работы. В таком контексте самые сложные и смелые

инициативы, в том числе и о восстановлении Саянского острога, воплотятся в жизнь и будут естественным продолжением патриотических традиций и духа созидания, а не данью времени в отношении этнотуризма. Материальные артефакты обязательно должны наполняться нематериальной составляющей культуры, в том числе и казачьей.

В чем же сила и духовная ценность казачьей традиции?

Например, донская песня уже более 100 лет привлекает внимание исследователей. Сложные историко-культурные события, связанные с жизнью донского казачества, сформировали ее неповторимый облик. Песня на Дону и его притоках является централизующим компонентом музыкального фольклора и определяет стилистику других жанров местных песенных стилей. По масштабам культурологического обобщения выделяется диссертационное исследование Т.С. Рудиченко «Донская казачья песня в историческом развитии» [6], а также обращает на себя внимание работа А.И. Иванова «Системно-теоретические проблемы казачьего эпоса» [7].

Следует отметить, что родоначальником традиционной культуры всех казачьих войск является Войско Донское. Ученые сумели отследить такую тенденцию – в тех местах, куда переселялись донские казаки, происходил процесс синтеза донского и местного фольклора, и элементов местного фольклора оставалось около четверти.

Казачья песенная традиция Дона является источником творчества как профессиональных, так и самодеятельных ансамблей не только на малой родине, но и по всей России. Особая своеобразная ментальность, нрав, индивидуальность отличает донское, кубанское, терское, енисейское и другие ветви казачества. Многогранность воплощена в синтезе самобытной хореографии и музыкального наполнения.

Философы, филологи, фольклористы, этнографы, этномузикологи и другие ученые исследуют и помогают современным творцам-исполнителям грамотно прочесть изначальные смыслы казачьей культуры и позитивно актуализировать их в современном сообществе, в том числе и в сценических формах, а еще лучше - в совре-

менных культурных ландшафтах, в структуре таких проектов, как, например, Саянский острог. Основой становления культуры казачества в Сибири явилась служилая, а не вольная часть. В наши дни казачество характеризуется как сложное саморазвивающееся этносоциальное явление, которое входит как субэтнос в социально-этническую структуру и одновременно, как военнотруженики, в военно-классовую структуру.

Вместе с запорожским, терским, яицким донское казачество является одной из ранних групп казачества, на формирование традиций которых влияли различные факторы. Одни сложились на фоне естественного хода истории, географического положения, формирования этносоциального состава, на другие оказали значительное влияние социально-политические планы и идеологические установки государства.

Определенная ментальность культурных и социальных аспектов обуславливалась формированием традиции казаков на границах расселения русского этноса и в зонах столкновения интересов различных государств. Все казачьи традиции складывались в основном как мужские, и в ходе изменения уклада жизни сохраняли мужское первенство. Специфика традиции заключалась в условиях ее бытования: вне селений, в походах, в мужских сообществах. Организованность, целенаправленность, осознанность трансляции традиции, обоснованы отличительными чертами мужского сознания. Важнейшими жанрами донского фольклора являются жанры с повествовательной доминантой – именно мужские. Непосредственно военная песня была основой деятельности казака, задавала темпо-ритм движения, способствовала поднятию боевого духа. Образ жизни, бытовой уклад всегда выделял казачество среди других групп русского населения как в социальном, так и в этнокультурном отношении. На этнический и культурный облик субэтноса донских казаков ощутимо повлияло то, что в его образовании принимало участие немалое количество народов, таких как башкиры, татары, калмыки, казахи, население Сибири и Северного Кавказа. Но вобрав в себя разнообразные традиции множества народов, казачество сохранило тогда, и продолжает сохранять сейчас в себе основу общерусской культуры.

Трансформация казачьего фольклора, усвоение и адаптация авторских песен стали отражением влияния письменной культуры, грамотности и урбанизированности.

В этой связи актуально напомнить о том, как убедительно звучат в наши дни и предопределяют нашу будущность слова выдающегося философа И.А. Ильина. Россия, по его мнению, – живой организм, складывалась по объективным географическим, историческим, политическим и другим человеческим обстоятельствам внутренней самоорганизации и внешних угроз и воздействий. Но принципы объединения и укрепления строились на максимально гуманистических началах уважительного отношения к каждому народу, коего даровала судьба российской соборности и поликультурности. В этом сила России на века.

«Когда мы смотрим вперед и вдаль и видим грядущую Россию, то мы видим ее как национальное государство, ограждающее и обслуживающее русскую национальную культуру», – под русской, конечно же подразумевается российская сложносоставная многонациональная общность, – «Россия вернется к свободному самоутверждению и самостоянию, найдет свой здравый инстинкт самосохранения, примирит его со своим духовным самочувствием и начнет новый период своего исторического расцвета... национального достоинства, национального духа и национального инстинкта».

Российское национальное своеобразие, на которое и сегодня опираются местные сообщества, весь российский народ, заключается в проявлениях любви, жертвенности, смекалки, храбрости и мудрости, в самобытных празднествах, радостях и печалях, верованиях и молениях, которые и порождают общенациональное единение, социальный оптимизм, волю к активному действию и к духовному расцвету.

«В национальном чувстве скрыт источник достоинства, которое Карамзин обозначил когда-то как "народную гордость" и источник единения, которое спасло Россию во все трудные часы ее истории, и источник государственного правосознания, связующего «всех нас» в живое государственное единство. Не случайно русская сердечность и простота обхождения всегда сжимались и страдали от черствости,

чопорности и искусственной натянутости Запада. Не случайно и то, что русская созерцательность и искренность никогда не ценились европейским рассудком и американской деловитостью» [8].

«Угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии, включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры» [9].

Формирование смыслов, особой духовно-культурной этносреды является важнейшей задачей профессионального сообщества [10]. Культура и художественное образование являются определяющим и равноправным элементом творческих процессов – социального партнерства профессионалов на пути интеллектуального возрождения страны [11].

От каждого из нас зависит насколько задачи по социокультурной модернизации и их решение на местном уровне будут перемещаться из плоскости утопического коммунизма в плоскость социального профессионализма [12].

Необходимо, как и прежде, продолжать сохранение и освоение земель посредством верности культурным традициям, выявление и использование неиссякаемого культурного потенциала.

Примечания:

1. Народное музыкальное творчество /Отв. ред. О.А. Пашина. СПб., 2005. С.71.

2. Каргин А.С. Традиционная культура казачества. Теоретико-методологические аспекты ее сохранения и развития// Альманах «Казачество», 2008. С. 46–55.

3. Александр Бражник, URL: http://russian7.ru/post/pochemu-na-rusi-ne-lyubili-kazakov/?utm_source=grf-eng&utm_medium=partner&utm_campaign=giraff.io

4. Народы России: Атлас культур и религий. Отв. ред. А.В. Журавский, О.Е. Казьмина, В.А. Тишков, 2-е изд. М., 2009.

5. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018).—

6. Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д, 2004.
7. Иванов А.Н. Системно-теоретические проблемы казачьего эпоса. М., 2012.
8. См.: Ильин И.А. О русском национализме. Сб. статей. М., 2006. С. 40–43.
9. Указ Президента РФ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г.
10. См.: Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.
11. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учеб. пособие. М., 2004.
12. См. Лэндри Ч. Креативный город. – Пер. с англ. М., 2005; Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – Пер. с англ. М., 2005.

Образование домохозяйства в жизненном цикле служилых людей Красноярского уезда по данным податной ревизии 1722 г.

Евгений Викторович Леонтьев, старший научный сотрудник
Минусинского регионального краеведческого
музея им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск

Изучение организации домохозяйства в системе традиционных локальных сообществ дает, как известно, уникальное представление об условиях функционирования аграрного социума и природе происходивших в его среде социальных изменений. Важным результатом этой работы является также информация, позволяющая описать хронологию основных событий в жизни людей рассматриваемой эпохи (например: средний возраст вступления в брак, интервалы деторождений, время раздела семьи и т.д.).

В историографии Сибири жизненный цикл служилого и тяглого населения XVII – XVIII вв. практически не привлекал к себе еще специального внимания исследователей. Настоящая статья тоже не претендует на его полное описание и затрагивает лишь один из этапов в жизни русских сибиряков этого времени, связанный с наследованием имущества и образованием собственного домохозяйства. Источником полученных показателей являются материалы первой податной ревизии жителей г. Красноярска и Красноярского уезда 1722 г. В их числе основное внимание мы уделили категории служилых людей, составлявших при проведении переписи более 2/3 от численности населения данной территории (86.85 % – в городе, и 60.01 % – в уезде) [1].

В русском обществе XVIII в. наследование имущества (земли, скота и пр.) и выдел из состава отцовского (братского) домохозяйства представляли собой очень важное событие в жизни любого мужчины

независимо от его социального положения. Покинув родителей, глава вновь выделившейся семьи впервые получал самостоятельный статус, становился владельцем собственного двора и причислялся (независимо от других живущих отдельно родственников) к одной из социальных групп. С этого момента также он принимал на себя обязательство перед государством в несении службы или налогового бремени – тягла [2]. Время наступления данного события в разных поколениях варьировалось, что отражалось на семейной структуре образуемых ими сообществ. Если раздел семьи происходил на сравнительно ранних этапах жизни людей, в составе населения увеличивалась доля простых (нуклеарных) домохозяйств ядром, в которых была только одна супружеская пара с детьми; если разделы, напротив, откладывались, начинало расти количество сложных многосемейных дворов, объединявших несколько пар супругов.

Далее на материалах податной ревизии 1722 г. мы рассмотрим, в какой период своей жизни получали самостоятельность и становились домохозяевами служилые люди Красноярского уезда. При обработке указанного источника в составе служилого населения фиксировались следующие категории людей: дети боярские – верстанные и неверстанные, казаки служилые – конные и пешие, казаки отставные и неверстанные в службу казачьи дети. Все они вместе с членами их семей мужского пола, начиная с 15-летнего возраста, были разбиты на несколько возрастных когорт с выделением в каждой доли владельцев дворовых хозяйств. Жители города и казаки, селившиеся в деревнях, рассматривались отдельно. Для сравнения полученных показателей аналогичные данные также были рассчитаны среди крестьян и посадских людей Красноярского уезда.

Таблица 1

Доля владельцев дворовых хозяйств среди служилых людей г. Красноярска и Красноярского уезда. 1722 г.*

возраст лет	служилые люди: город		служилые люди: уезд		посадских люди		пашенные крестьяне	
	I	II	I	II	I	II	I	II
15-19	12	13,19	9	4,23	2	4,75	4	7,69

возраст лет	служилые люди: город		служилые люди: уезд		посадских люди		пашенные крестьяне	
	I	II	I	II	I	II	I	II
20-29	44	23,91	67	20,36	4	7,28	7	9,33
30-39	69	56,10	163	52,76	32	49,23	24	40,00
40-49	62	77,50	161	80,10	56	87,50	50	65,68
50 и ст	112	94,11	227	84,7	51	87,93	91	89,21
неизвест.	16	-	11	-	13	-	-	1
всего:	315	29,75	638	25,47	158	27,10	177	26,13

I – количество дворовладельцев данного возраста;

II – доля их среди мужчин своей возрастной когорты

* Подсчитано по данным: Перепись г. Красноярска и его уезда 1719 – 1722 гг. / Подготовка текста и комментарии Г.Ф. Быконя, А.Л. Лифшиц. - М.: «Ломоносов», 2014. – 424 с.;

Представленные в таблице данные свидетельствуют о том, что в конце первой четверти XVIII в. молодые семьи в среде служилых людей г. Красноярска и его уезда были достаточно редким явлением. Владельцами собственных дворов красноярские казаки в основном становились в возрасте от 30 до 39 лет. Причем в городе это событие, по-видимому, наступало в среднем на несколько лет раньше, чем в деревне. Гораздо позднее по сравнению со служилыми людьми обретали самостоятельный статус представители тяглого «мира». Особенно это касалось крестьян, среди которых мужчины в основном получали самостоятельность уже после 40 лет.

Структура традиционного домохозяйства, экономической основой которого являлось земледелие, испытывала в течение своего цикла влияние многих факторов. Но наиболее заметным из них было влияние трудовой нагрузки, ложившейся на плечи взрослых членов домохозяйства, обязанных обеспечивать потребление своих домочадцев. Увеличение такой нагрузки (например, ввиду налогового гнета со стороны государства или в условиях освоения новых земель) способствовало усложнению и росту семейных коллективов,

стремившихся к мобилизации имеющихся у них ресурсов рабочей силы [3]. Складывалась закономерность: чем большее количество труда требовалось затратить в сложившихся условиях для обеспечения нормальной жизнедеятельности семьи, тем больше и сложнее она была по числу образующих ее брачных пар.

Данное обстоятельство позволяет на наш взгляд объяснить показанное в таблице различие в сроках образования новых домохозяйств среди представителей разных групп населения. Обработка пашни являлась в начале XVIII в., по-видимому, главным источником жизнеобеспечения служилого населения, как в самом г. Красноярске, так и на прилегающей к нему территории. То же, безусловно, касалось крестьян и посадских людей, являвшихся в большинстве своем сельскими жителями. Согласно писцовой книге 1701 г. земледелием среди красноярских служилых людей занимались 560 хозяйств, из них 241 принадлежали горожанам [4]. Размеры наделов были невелики, составляя в среднем чуть более двух десятин земли на одно хозяйство. Для сравнения - в хозяйствах крестьян площадь «собинной» запашки достигала 2.95 дес [5]. При этом большинство казачьих семей, 74.92 % – в городе, и 66.05 % - в уезде [6], имели в своем составе хотя бы одного зачисленного в штат мужчину (за редкими исключениями это был глава семьи). Приходная часть бюджетов таких семей складывалась, кроме земледелия, также за счет поступлений (прямых – в виде жалования, и неофициальных - мелкая торговля, промыслы в местах несения отъезжих служб, поборы с ясачных и т.д.), которые давала служба. Поэтому по сравнению с земледельцами из других социальных групп они, очевидно, меньше нуждались в развитии собственного хозяйства, что уменьшало объемы необходимых для его ведения трудозатрат [7].

Этому же способствовало и то, что в отличие от крестьян и посадских, служилые люди не участвовали в несении тягла. Им было не нужно безвозмездно отчуждать часть своего труда в пользу государства. Тогда как податные обязательства крестьян, например, носили в это время преимущественно характер трудовой повинности, выражавшейся в обработке «государевой пашни». С ее учетом общая площадь возделываемых земель в среднем на крестьянское

хозяйство превышала аналогичные показатели у казаков в 1.7 раза (3.59 и 2.09 дес.) [8].

Несомненно, важным событием в жизни служилых людей, способствующим получению ими самостоятельного статуса, являлось зачисление в штат служилого гарнизона. Сроки наступления этих событий были связаны между собой, и последнее, как правило (но не всегда), предшествовало первому. Однако на рубеже XVII-XVIII вв. количество молодых мужчин среди красноярских казаков значительно выросло по отношению к количеству штатных мест в гарнизоне. В итоге многие из них становились самостоятельными дворовладельцами, так и не дождавшись поверстания в службу. В материалах ревизии эта категория домохозяев носила звание неверстных казачьих детей.

Ниже мы подсчитали % зачисленных в штат служилых людей среди красноярских казаков – дворохозяев разного возраста.

Таблица 2

Доля поверстных казаков среди служилых дворохозяев г. Красноярска и Красноярского уезда. 1722 г. (%)

Возрастная категория	Город	Уезд
15-19 лет	8,33	0,00
20-29 лет	47,72	46,27
30-39 лет	82,61	66,26
40-49 лет	95,16	70,81
50-59 лет	85,71	71,43
60-69 лет	79,31	75,86
70 лет и старше	55,56	63,16

* Подсчитано по тем же данным, что и таблица 1.

Как видим, согласно таблице в деревнях доля неверстных казаков была больше, чем в городе. Очевидно, переход служилых людей на территорию уезда уменьшал шансы их сыновей на зачисление в штат. Поверстание в службу, как правило, предшествовало у казаков образованию ими собственного дворохозяйства.

Но ввиду усилившейся нехватки вакантных мест в гарнизоне, первое из этих событий уже не являлось обязательным для наступления второго. В 1722 г. у красноярских служилых людей в возрасте от 20 до 49 лет каждый третий владелец дворового хозяйства в деревне (35.29 %) и каждый пятый в городе (21.71 %) не состоял в гарнизоне, и не получал жалования [9].

При этом обращает на себя внимание одно интересное обстоятельство. Поскольку предельного срока службы в казачьем войске не существовало, штат его в это время включал значительное количество людей пожилого и даже преклонного возраста. Большинство стариков в казачьих семьях, включая и тех, у кого во дворе жили неверстанные сыновья, продолжали формально считаться служилыми [10]. Так, например, в деревне Барабановской у 77-летнего казака конной службы Ивана Волховитского в семье было двое неверстанных сыновей: Борис (32 года) и Дмитрий (30 лет); у 70-летнего пешего казака Ивана Зыкова из села Березовского ревизией во дворе были записаны трое детей: Данило (40 лет), Иван (30 лет) и Тит (27 лет) [11].

Между тем, согласно действующим нормам, уходящий в отставку казак мог передать свое «выбылое» место и служилый оклад одному своих ближайших родственников: при поверстании «новик» регистрировался в «именном списке» с указанием вместо кого он поверстан, и казачий сын обычно претендовал на освободившееся место своего отца [12]. Почему же пожилые родители, в чьих семьях была готовая для службы замена, предпочитали, как правило, не спешить с прошением об отставке?

Кроме собственного эгоизма, главным мотивом такого поведения, по-видимому, являлось стремление сохранить экономическую целостность двора. Изученные материалы показывают, что в составе семьи, где вместе с родителями, находились еще несколько женатых братьев, поверстание одного из них в службу вело к разделу дворового хозяйства. Вместо одного, вероятно, крепкого хозяйственного коллектива, появлялись два ослабленных. Причем доходами от службы в этом случае продолжали пользоваться уже не все члены прежней большой семьи, а только жена и дети отделившегося после поверстания дворохозяина. Чтобы не допустить, а вернее отсрочить, подобное

развитие событий престарелые главы больших дворов должны были «оставаться в строю» как можно дольше. Возможность для этого, в принципе, существовала, поскольку обычная практика несения службы в гарнизоне допускала ситуации, когда вместо внесенного в штатные списки казака фактически те или иные поручения по службе за него выполнял за плату другой отсутствующий в штате человек. Несмотря на противодействие администрации, такие «наемщики» встречались среди красноярских казаков в XVIII в. довольно долго [13]. Естественно предположить, что когда в этом качестве выступали близкие родственники (например, неверстанный сын вместо пожилого отца), никакой платы за их услуги не требовалось, и сама замена выглядела в глазах начальства вполне допустимой.

Таким образом, изучение материалов податной ревизии 1722 г. по г. Красноярску и Красноярскому уезду показало, что владельцами собственных дворов в истекший период местные служилые люди в основном становились в возрасте от 30 до 39 лет. В деревнях это событие, вероятно, наступало на несколько лет раньше, чем в городе. Дворохозяином, как правило, становился поверстанный накануне в службу человек. Доли зачисленных в штат людей и владельцев дворовых хозяйств среди красноярских казаков разного возраста в основном повышаются в составе одной и той же возрастной когорты. Это говорит о том, что по времени два этих события в их жизни преимущественно совпадали.

По сравнению с представителями тяглого населения, особенно крестьянами, образование новых дворов в жизненном цикле служилых людей обычно происходило раньше, в более молодом возрасте. Условием этого, очевидно, являлось то, что по сравнению с тяглыми семьями служилые родственные коллективы требовали для своего жизнеобеспечения меньших затрат труда и рабочей силы в дворовом хозяйстве: часть доходов в семью приносила служба, не было необходимости платить подать и нести повинности. В рассматриваемый период, однако, наметился отход от службы значительной части казаков. Из-за отсутствия вакансий в гарнизоне многие из них уже не могли рассчитывать на получение казенного оклада, что, вероятно, нередко тормозило разделы семей и откладывало образование новых дворов на более поздние сроки.

Примечания:

1. Подсчитано по данным: Перепись г. Красноярска и его уезда 1719 – 1722 гг. // Подготовка текста и комментарии Г.Ф. Быконя, А.Л. Лифшиц. – М.: «Ломоносов», 2014. – 424 с.

2. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки XVII – начала XVIII вв. Новосибирск, 1992. – 227 с. С. 89.

3. Носевич В.Л. Многосемейное крестьянское домохозяйство: реликт патриархального прошлого или феномен Нового времени? // Экономическая история. Ежегодник. 2006. – М.: РОССПЭН, 2006. С. 503 – 538//

4. Александров В.В. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII вв. (Енисейский край). М.: «Наука», 1964. – 303 с., С. 97.

Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII в. (Енисейский и Красноярский уезды). Диссертация на соискание степени к.и.н. Красноярск, 2016. – 367 с. С. 273.

5. Подсчитано по данным: Перепись г. Красноярска и его уезда..

6. К аналогичному выводу о наличии связи между размерами запашки и структурой семьи у казаков можно прийти, рассматривая данные о служилом населении Томского уезда в начале XVIII в. - Чурсина А.А. Служилые люди Томского уезда: хозяйственная деятельность и структура семьи в первой четверти XVIII в.// Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4. С. 17 - 26.

7. Подсчитано по данным: Барахович П.Н. Служилое население...С. 273.

8. Подсчитано по данным: Перепись г. Красноярска и его уезда..

9. Люцидарская А.А. Жизненный цикл и жизнеобеспечение служилого населения Западной Сибири в XVII в.// Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – 660 с. С. 516.

10. Перепись г. Красноярска и его уезда .... Л. 90: Л. 98 (об.).

11. Барахович П.Н. Служилое население ... С. 65.

12. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913. С. 47.

Мы вместе три века

Анна Викторовна Лисовая, заместитель директора
МБУК «Краеведческий музей», магистрант группы МИз-161
ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан

Заглядывая в глубину веков, мы увидим, что присоединение Южной Сибири к России было очень длительным и сложным процессом. Присоединение Сибири к Российскому государству происходило в XVI-XVII вв. В это время проходил процесс населения и хозяйственного освоения громадных просторов русским народом.

Коренные народности Сибири, как подчеркивается в архивных документах, обычно гостеприимно встречали первых русских людей: снабжали их продуктами пропитания, предоставляли звероловческие урочища для охоты, добровольно соглашались платить ясак «Белому царю». А русские первопроходцы проделывали огромную работу по хозяйственному освоению заселяемых земель.

Процесс присоединения Хакасии и России проходил в очень сложной обстановке. Политика хакасских князей была классово-политической. Они вели упорную войну с царскими властями за своих кыштымов. Политика русских тоже была колониальной. Царские воеводы допускали произвол и бесчинства по отношению к коренному населению Южной Сибири, что затягивало процесс присоединения. И в то же время народ Хакасии понимал, что принятие подданства Российского государства – наименьшее зло, единственная возможность уцелеть, потому что русские возьмут на себя ответственность за историческую судьбу народа.

В 1598 г. русские войска, разгромив остатки войск убогавшего хана Кучума, впервые вышли на «западный рубеж» Южной Сибири. На Томи и Чулыме, правых притоках Оби, начинались земли, которые по аристократическому, княжескому роду (род Хыргыс)

русские называли «Кыргызской землицей». Это и было феодальное Хакасское государство. В начале XVIII в. Хакасия выступит на международной арене под именем «Хонгорай».

Енисейские кыргызы, создавшие в раннем средневековье свое государство, просуществовали в долине Среднего Енисея, как господствующий этнос, около двух тысяч лет вплоть до начала XVIII в.

В XV – XVIII вв. Хакасское государство занимало территорию Хакасско-Минусинской котловины. На западе ее граница проходила по рекам Кия и Урюп (левее притока Чулыма); на востоке граница шла по Восточным Саянам; на юге доходила до Саянского горного хребта; и на севере – до нынешних городов Томска, Ачинска, Красноярска и устья реки Ангары, т.е. фактически до Енисейска. Государство Кыргызской землицы переживало феодальную раздробленность, власть над которой держали четыре княжества: Алтысарское, Алтырское, Тубинское и Езерское (иначе Исарское).

Успешное продвижение русских со стороны Верхнего Приобья и Иртыша обострило русско-джунгарские отношения.

Невозможность скорого присоединения части земель заставила царское правительство перейти к постепенному освоению окраинных территорий, входивших в Кыргызскую землицу. Казаки стали огораживать хакасские земли с севера, по дугообразной линии крепостей – острогов. Защищая русских, казацкие гарнизоны новых острогов брали обязательство охранять и своих новых ясачных от внешних нападений. Вслед за Енисейским острогом в 1612 г. появляется Мелецкий на Среднем Чулыме, в 1628 г. – Красный Яр на Енисее, Братский и Рыбинский на Ангаре, в 1636 г. – Канский, в 1646 г. – Удинский острог на реке Уде.

Военные действия сменялись переговорами и перемириями. Для полного понимания особенностей присоединения Кыргызской землицы к России надо помнить, что на территории Азии еще в начале XIII в. возникло древнемонгольское государство. По имени одного из племен монголов их также называли татарами. Великим ханом Монголии был провозглашен Темучин, который принял имя Чингисхана (1155 – 1227).

В 1207 г. огромная армия монголо-татар под командованием старшего сына Чингисхана Джучи вторглась в пределы древнехакас-

ского государства. Видя огромное превосходство врага, хакасские князья из рода кыргызы, правившие в Туве, Алтае, Хакасско-Минусинской котловине, выразили покорность завоевателям. Над Хакассией установилось иго татаро-монгольских ханов, ее территорию Чингисхан в 1224 г. разделил между своими сыновьями.

Покоренные народы не примирились с завоевателями. Они не раз поднимались на борьбу, но их жестоко подавляли. Террор монгольских правителей был невыносим. Правящую верхушку хакасов истребили или вывезли в глубь Монголии. К 1293 – 1295 гг. значительно сократилось население Хакассии, окончательно погибла хакасская государственность. Почти 180-летнее монголо-татарское иго явилось настоящей катастрофой для хакасского государства. Оно первое приняло на себя опустошительные набеги варваров и прикрыло собой Россию.

Освобождение хакасских земель от монголо-татарского ига не могло начаться раньше, пока в 1380 г. не произошла решительная битва Дмитрия Донского на Куликовом поле. В конце XIV в. огромная Монгольская империя прекратила свое существование. Так распорядилась история, что в силу объективных условий вначале Кыргызское государство задержало нашествие монголов на Русь, а потом Русь своей борьбой помогла хакасскому народу освободиться от тяжелого монгольского ига.

В конце XVI – начале XVII вв. Хакасия оказалась в тисках трех сил, пытавшихся подчинить себе Кыргызскую землю. С юга напирала монголы Алтын-хана, джунгарские хунтайджи, с севера – русские воеводы Белого царя.

После присоединения Западной Сибири к России, где служилые люди не имели жесткого противостояния сибирских племен, правительство русского царя продолжило борьбу за бассейны среднего Енисея. Но натолкнулось на противостояние хакасских племен во главе с четырьмя князьями да с джунгарами. Первыми были подчинены и обложены данью царских воевод северные хакасы-качинцы и аринцы, а следом за ними подчинились правобережные племена Енисея – моторы и тубинцы.

Надо отметить недовольство местного населения, которое возникло из-за несправедливого отношения русских воевод, занимающихся лихоимством.

С постройкой в 1628 г. Красноярского острога давление на князев Кыргызской земли усилилось. Но одновременно усилилось и противостояние хакасов с поддержкой их джунгарами. Фактически за 120 лет войны, поисков примирений и многочисленных завоеваний хакасских князев в верности «Белому царю» российским властям на землях бывшего Хакасского государства удалось возвести лишь шесть военных опорных крепостей – острогов: Томский, Кузнецкий, Мелецкий, Красноярский, Караульный и Каштакский.

Дальнейшее продвижение русских на юг по Енисею в Минусинскую котловину относится уже к XVIII в. В 1700 г. хакасские князья в союзе с хунтайджи вновь попытались нанести удар на Кузнецк, Томск и Красноярск. Но это не принесло им успеха. Петр I потребовал от сибирских воевод решительных действий и полного присоединения Южной Сибири. В 1701 – 1704 гг. объединенными военными силами Красноярского, Томского, Енисейского и Кузнецкого острогов князья Кыргызской земли были разгромлены. Джунгары в 1703 г. угнали к себе господствующее ядро хакасских княжеств, в том числе трех князей. Судьба этих людей оказалась трагической.

После этого случая хакасы обратились к царским властям построить на их земле острог. Петр I подписал указ о постройке такого укрепления в устье реки Абакан. Но фактически он был построен на правом берегу Енисея в 60 километрах от устья Абакана, в селе Краснотуранское и назван Абаканским. Его в 1707 г. возвел объединенный отряд томских, кузнецких, красноярских и енисейских служилых людей (всего 975 человек). Это был седьмой русский острог, поставленный на хакасской земле. 30 августа 1707 г. из восьми окрестных улусов хакасских кыштымов были привезены в острог «лучших людей 20 человек», которые дали клятву платить «о шесть соболей с мужчины» и быть верными Белому царю. В остроге были оставлены 375 казаков. То есть обстановка на юге Сибири все еще оставалась беспокойной, и джунгарские сборщики албана временами появлялись теперь в русских ясачных волостях.

Со времени присоединения к России в древней многострадальной Хакасии наступил долгожданный мир. Под управлением русских властей хакасы окончательно избавились от разорительных и губи-

тельных войн со стороны монгольских и джунгарских феодалов и были спасены от физического истребления.

Саянский острог стал основой и началом заселения русскими южной линии границы, охраняемой царским правительством. Без Саянского острога не могло быть ни Минусинска, ни Шушенского, ни Каптырево, ни Шунер, не было бы «означенной переправы» в районе горы Крестик, чтобы продолжить нести дозор по маршруту: Калы - Сабинка - Бея - Табат - Арбаты - Татып.

Крепость Саянская была сооружена в стратегически важном месте – вблизи Саянских ворот, недалеко от Лубсанова вала. Пограничный острог надежно «закрыв ворота» для проникновения джунгар, последней неприятельской монгольской силы.

Благодаря Саянскому острогу, открыто казаками Маинское (именно так долгое время писалось это название) медное месторождение, саянский мрамор, а вслед за этим возник Лугавский медеплавильный завод, перерабатывающий майнскую руду, Ирбинский железодельный завод, как первые капиталистические предприятия южной Сибири.

Саянский острог послужил своего рода «козырной картой» при заключении Буреинского договора и Кяхтинского мира в 1727-1728 гг. с Китаем по установлению границы между Российской империей и Монголией, вскоре ставшей северо-западной провинцией Цинской империи Китая.

Политика царского правительства была дальновидной и прагматичной. Как справедливо подчеркивал изучавший историю присоединения Сибири к Российскому государству историк С.В. Бахрушин: «Основной целью был ясак. Все средства были хороши, чтобы заставить туземцев нести пушнину в государеву казну» [1].

К пониманию всей сложности вхождения Хакасии в состав России нельзя не видеть, что только за первую половину XVII в. служилые люди присоединили к России почти всю Восточную Сибирь: в 1633 г. они вышли по реке Лене к Ледовитому океану, в 1639 г. – на побережье Охотского моря, в 1648 г. Семен Дежнев обогнул материк и открыл пролив, разделяющий Азию с Америкой, прошел на судах в Тихий океан. В 1643 – 1646 гг. Василий Поярков прошел

из Якутии на Амур, проплыл его до устья и совершил плавание по Охотскому морю.

В 1716 г. по указу Петра I для окончательного укрепления положения России в Хонгорае, было решено поставить русский острог у подножия Саян. Осенью 1718 г. он был возведен красноярскими казаками на правом берегу Енисея в 120 верстах выше Абаканского острога. Саянский, острог (Соян-тура) перекрыл главный путь сообщения с Монголией, т.к. монгольские отряды приходили за сбором албана весной по льду Енисея. Однако официальное закрепление границ Хакасии за Российской империей произошло десять лет спустя.

20 августа 1727 г. в результате переговоров на р. Буре, в 20 км от Кяхты, между Россией и Китаем был заключен пограничный трактат. Раздел территории прошел по Саянам, от Кяхты до вершин Абакана, вплоть до владений Джунгарии. Все эти земли и народы, находившиеся по северной стороне Саян, отошли к России, а по южной – китайской империи.

Итак, процесс присоединения Хакасии к России, начавшийся еще в XVII в., официально завершился Буринским трактатом Кяхтинского мира в 1727 г. После присоединения Хакасии к России ее территория была разделена между Кузнецким, Томским и Красноярским уездами. Оставшиеся разрозненные группы кыргызов и их кыштымов объединились в различные волости и земли, созданные сибирской администрацией.

В 2018 году исполняется 300 лет Саянскому острогу – крепости, построенной на правом берегу Енисея. Саянский острог – форпост России на южных рубежах Сибири был важным военным пограничным объектом и служил для защиты хакасского населения и укрепления южной границы Российского государства. В настоящее время земляная насыпь, где был ранее острог, представляет собой археолого-этнографический комплекс, который привлекает всё большее внимание.

Саянский острог был построен в 1718 году. Он был призван охранять российские границы от набегов разных воинствующих племен, враждебных Российскому государству – монголов, джунгар, кыргызов-кайсаков, калмыков и других. Его строительство ознаменовало окончательное присоединение южной части Сибири к России [2].

Осенью 1718 г. в соответствии с указом Петра I отрядом красноярских казаков численностью 300 человек под командой красноярского дворянина Ильи Нашивошникова на правом берегу Енисея, в 120 км. Южнее Абаканского острога, на выходе этой реки из Саян был возведен Саянский острог, в котором был размещен гарнизон численностью в 100 казаков. Тем самым был взят под надежный контроль путь по Енисею из Монголии в Хакасско-Минусинский край [3].

В первой четверти XVII в. отряды первопроходцев вышли на границу лесостепи и Хакасско-Минусинской котловины, привлекательной в плане пушного промысла, но и для сельскохозяйственного освоения, что в условиях постоянной нехватки хлеба в Сибири было особенно актуально. Здесь русские столкнулись с мощным противником, каким являлись местные кочевые народы.

Как отмечалось выше, к началу XVIII в. положение в Сибири во многом изменилось. Численность постоянного русского населения увеличилась более чем в 4 раза, укрепилось и экономическое положение края. Изменилась внешнеполитическая обстановка в Южной Сибири. Ослабевшая Джунгария не могла в это время оказывать действенную помощь кыргызам, контролировать здесь сбор дани и соперничать с русскими [4].

Освоение русскими первопроходцами Южной Сибири началось еще в XVII в. и имело свои особенности, связанные с природно-климатическими условиями, политической и социально-экономической ситуацией.

Виктор Яковлевич Бутанаев в своих трудах описывает начало освоения Сибири так: «На перекрестке двух великих путей с Оби на Енисей в 1619 г. Был поставлен Енисейский острог – важнейший опорный пункт распространения влияния Русского государства по Енисею и всей Восточной Сибири» [5].

Важность изучения различных аспектов создания Саянского острога, включая причины, предпосылки и особенности его построения, обусловлена большим исследовательским интересом и значимостью для современного общества. Историко-культурное наследие должно передаваться из поколения в поколение, сохраняя лучшие

формы и методы работы, прогрессивные традиции и ценности. Уникальные археологические памятники истории и культуры делают наш край наиболее интересным и привлекательным.

История возникновения Саянского острога интересна, но слабо изучена. Поскольку исследование русского зодчества на территории Южной Сибири началось сравнительно недавно.

Саянский острог – памятник материальной культуры русских первопроходцев Южной Сибири XVIII века. Исследованием и изучением предметов материальной культуры данного памятника занимались такие ученые-исследователи как Быконя Геннадий Федорович, Ватин Вадим Александрович, Бахрушин Сергей Владимирович, Шунков Виктор Иванович, Скобелев Сергей Григорьевич, Шаповалов Андрей Валерьевич.

Что касается, археологических раскопок в Сибири, в частности на территории нахождения Саянского острога, они осуществлялись отрядом Новосибирского государственного университета, были начаты в 1987 году и закончены в 2000-м. Руководил ими Скобелев Сергей Григорьевич, он отмечал, что Саянский острог является одним из немногих относительно полно сохранившихся памятников русской фортификации в Сибири. Материалы этих археологических раскопок лежат в основе исследования Саянского острога как археологического памятника.

И все-таки, несмотря на непростую историю присоединения сибирских земель, на сложности во взаимоотношениях народов, хакасы с русскими вместе три века.

За это время у наших народов на территории Хакаско-Минусинской котловины сложились довольно хорошие отношения. Мы ценим культуру и язык друг друга, мы чтим традиции друг друга, относимся с уважением к мнению каждого народа, населяющего наши земли. Эти отношения являются не формальностью, а законом.

Уважение и бережное отношение к культуре, языку народов, являющихся коренными жителями этой территории – основа для гармоничного развития всех жителей нашей земли.

Мы вместе три века. Три непростых столетия, наполненных борьбой и примирением, враждой и любовью. Три века – это немного

с точки зрения истории, но с точки зрения человека – это несколько поколений, связанных друг с другом общей жизнью, общей судьбой.

Литература:

1. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, - 1981. – 248 с.

2. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII веке; Этюд по истории Сибири. Минусинск, типография А.Ф.Метелкина и Ко, 1913, 212 с.

3. Зубков В.С. История Сибири. Ч.II. XVIII – середина XIXвв :учеб.пособие/ В.С. Зубков. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», 2013. – 256 с.

4. История Хакасии с древнейших времен до 1917 / Под ред. Л. Р. Кызласова. — М.: Восточная литература, Наука, 1993. — 528 с.

5. Кызласов Л.Р. О присоединении Хакасии к России. Сер. «Страницы истории и современность». Вып. 2. — Абакан:Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1996. — 64 с.

6. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности)/ гл. ред. В.Я. Бутанаев; научн. Ред. В.И. Молодин. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2008. – 247 с.

7. Скобелев С.Г. Отчет об археологических раскопках в Бейском, Емельяновском, Новоселовском и Шушенском районах, об археологических разведках в Боградском и Сухобузимском районах Красноярского края в полевом сезоне 1987 г. Новосибирск, 1988. - 135 с.

Примечания:

1. Кызласов Л.Р. О присоединении Хакасии к России. Сер. «Страницы истории и современность». Вып. 2. — Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1996. — 35 с.

2. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, - 1981. – 127 с.

3. Зубков В.С. История Сибири. Ч.II. XVIII – середина XIXвв :учеб.пособие/ В.С. Зубков. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», 2013. – 26 с.

4. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII веке; Этюд по истории Сибири. Минусинск, типография А.Ф.Метелкина и Ко, 1913, 52 с.

5. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности)/ гл. ред. В.Я. Буганаев; научн. Ред. В.И. Молодин. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2008. – 49 с.

Проблемы реконструкции сибирских острогов XVII – XVIII веков

Анна Юрьевна Майничева, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института археологии и
этнографии, г. Новосибирск

Проблемы реконструкции сибирских крепостей XVII – XVIII вв. в настоящее время приобретают особую актуальность. Восстанавливается Казымский острог, ведутся работы по Илимскому, Братскому, Умревинскому и другим острогам. В связи со сложностью оборонного зодчества как историко-культурного явления работы по их воссозданию вышли на междисциплинарный уровень, включающий проектную деятельность и научные исследования в области исторической этнографии, истории и теории архитектуры, дендрохронологии, а также такого нового направления, как нейронаука, изучающего культурные явления в аспекте деятельности человеческого мозга.

Феномен развития оборонного зодчества в Сибири в XVII – XVIII вв. связан с продвижением русских за Урал. Несмотря на существование в тот период и ранее укрепленных городков, и крепостей местных народов и племен (например, Войкарский городок, крепостные строения татар на р. Вагай и Тобол), массовое острожное строительство проводилось русскими первопроходцами для закрепления на новых территориях, некоторые постройки возведенных тогда острогов сохранились до наших дней. Практическая насущность оборонного зодчества в XVII – XVIII вв. была связана с необходимостью вести боевые действия. Оно стало одним из способов освоения пространства, дающего этномаркирующую характеристику русского этноса. К этому времени была уже выработана традиционная программа практического и символического преобразования семантически чуждого пространства в «свое», воспроизводящая привычные,

но эффективные и в изменившихся условиях формы оборонных сооружений и поселений. Сибирское оборонное зодчество явилось отражением лучших традиций русского градостроительства. Судьба возведенных в Сибири русских форпостов различна. Некоторые прошли долгий путь развития. Они превратились в современные города или села, настолько удачно было их расположение. Планирование создания рациональной сети поселений и нацеленность на основательное обустройство на новых территориях обеспечили успешную адаптацию русских в сибирских условиях. Когда необходимость в оборонной функции городов отпала, крепостные сооружения сохранили значение символа государственной власти, а затем редкие оставшиеся башни и один на всю Сибирь каменный Тобольский кремль были музеефицированы и получили статус памятников архитектуры, что указывает на сохранение их значимости.

Сейчас проблема реконструкции построек периода освоения Сибири первопроходцами приобрела новое прочтение: общество обратилось к поиску своих исторических корней, возникли идеи возрождения традиций и романтизации прошлого, что в значительной степени поддерживается необходимостью развития туристического бизнеса как возможного эффективного финансового ресурса. Своеобразный «социальный заказ» на подтверждение героичности прошлых эпох привел к переводу в практическую плоскость как музеефикацию исторических зданий и сооружений, так и их натурное воспроизведение, как символов русской государственности.

При попытках выполнить реконструкции сибирских острогов выявились проблемы, которые требуют своего решения. Если вести речь о графической реконструкции, то в настоящее время информационные технологии позволяют предложить высококачественные решения, поскольку уже существуют программные средства для 3D-моделирования, причем перебор вариантов дает возможность сравнивать и выбирать приемлемые варианты в краткие сроки и с большой степенью верификации. Однако проблемной остается ситуация с конкретизацией конструктивных особенностей построек того или иного острога. В этом случае специалисты обращаются к аналогам. Саянский острог, благодаря тщательному и полноценному

археологическому изучению, дает прекрасный пример использования возможностей для поиска аналогов.

Более остро стоит вопрос с натурным воссозданием острогов, т.к. если в графике можно в какой-то степени пренебречь конкретикой, упустить некоторые детали и формы, то для воссоздания в натуральную величину все детали имеют важное значение, поскольку полномасштабная реконструкция требует существенных материальных затрат. Основной проблемой в работе по воссозданию построек острогов является фактическое их отсутствие, практически все были разрушены. Следует признать, что в распоряжении историков, архитекторов, искусствоведов, музейщиков остались считанные единицы аутентичных конструкций и деталей сооружений. Из вполне обычных для XVII – XVIII вв. сооружений деревянные и древо-земляные остроги в XX – XXI вв. превратились в уникальные, не имеющие сейчас современных конструктивных аналогов. Несмотря на существование письменных документов, фотоматериалов и результатов археологических раскопок, этих данных крайне мало для проведения достоверных натуральных реконструкций. Попытки использования аналогов часто ведут к вполне справедливым нареканиям со стороны специалистов. Парадокс ситуации в том, что планам местных энтузиастов по воссозданию крепостей и получению полноценного интересного туристического комплекса противодействует неодобрительное отношение музейщиков, занимающихся теорией музейного дела, которые имеют полномочия для непризнания новоделов как сооружений, имеющих историко-культурную ценность, что создает разнообразные, в том числе правовые и финансовые, проблемы для авторов и инвесторов проектов создания туристических зон. Более того, появление многочисленных реконструкций, выполненных непрофессионально, дискредитирует саму идею воссоздания сибирских крепостей. Всему этому противостоит искренний интерес посетителей новодельных комплексов, погружаемых в непривычную им среду, воссозданную застройками острогов. Таким образом, проявляется тупиковость ситуации, при которой все недовольны, кроме «необразованного» туриста.

Итак, музейщики-теоретики требуют, что вполне правомочно, исторической правды. Те, кто создает реконструкции, могут обеспечить правдоподобие, что объясняется объективными обстоятельствами. Существующие в Сибири и в России в целом реконструкции показывают направление движения по решению возникающих вопросов. Одним из удачных примеров является воссоздание построек Илимского острога.

Уже сейчас можно предложить несколько подходов к реконструкции русских оборонных сооружений в Сибири.

Во-первых, следует признать, что воссоздание специфической исторической ситуации Сибири XVII – XVIII вв. в современных условиях невозможно, а значит, точное воссоздание построек острогов нереально. Воеводская изба, являвшаяся обычной постройкой для городов, может быть ею только в том случае, если ею владеет воевода, со всеми характерными для XVII в. особенностями быта и службы. В таможенной избе должна быть таможня XVII – XVIII в., в гостинном дворе должна идти торговля товарами XVII в. и т.д., что совершенно утопично. Сколько-нибудь широкомасштабное новое строительство или собрание в одном месте вывезенных построек неизбежно создаст противоречие между их сохранением и приспособлением к новым функциям. В первом случае здания сохраняются, музейная функция работает в полной мере, но расходы на обслуживание зданий могут намного превышать доходы от их экспонирования. Во втором случае приспособление «оживляет» музей, но страдает сохранение.

Во-вторых, уже на стадии принятия решения о натурной реконструкции острога необходимо провести серьезные маркетинговые исследования по его дальнейшей эксплуатации. Причем традиционные исследования, включающие анализ рынка, сегментирование, нацеливание, прогнозирование, позиционирование, работают недостаточно эффективно, что заставляет искать новые подходы, например, концепцию «креативного мышления», которая показывает приоритет использования не нового, а актуального, переход от экономики внимания к экономике участия, приоритет не столько рационального, а интуитивного и эмоционального. Критериями успешности идеи служат ответы на вопросы: «хочу ли я увидеть это еще раз?», «хочу ли я этим поделиться?», «могу ли я это улучшить?».

В-третьих, в реконструкции и использовании воссозданных острогов необходимо найти возможный баланс между требованиями музейщиков-теоретиков, планами музейщиков-практиков и потребностями посетителей. Все это возможно только при согласованной работе специалистов, а также при выработке новой и пересмотре имеющейся нормативной базы документов. Придание правового статуса означает обеспечение финансирования острожной экспозиции, четкое определение его источника является ключевым вопросом.

В-четвертых, необходимо обеспечить междисциплинарный подход к решению проблемы реконструкции сибирских острогов русских XVII – XVIII вв., поскольку невозможность их полного восстановления и эксплуатации в их первоначальном виде отнюдь не снижает их историко-культурной ценности. Исследования и проектирование должны выполняться высококвалифицированными специалистами, которые могут обеспечить допустимую степень достоверности реконструкции. Такая особенность должна быть учтена в нормативных документах.

Перечисленные проблемы и пути их решения могут составить основу для поиска новых форм реконструкций исторических зданий и сооружений, весомую по своей значимости в культуре часть которых составляет оборонное зодчество.

Саянский острог в ряду русских крепостей Средней Сибири

Сергей Григорьевич Скобелев, кандидат исторических наук,
заведующий Лабораторией гуманитарных исследований
Новосибирского государственного университета,
г. Новосибирск

Остроги, как первые пункты государственности, играли ключевую роль в освоении Сибири и вхождении ее в состав России. Именно они защищали границы государства, обеспечивали хозяйственную и культурную деятельность русского населения на новых территориях. При их исследовании важно выявить планировку, основные конструктивные особенности, строительные приемы и архитектурные формы, поскольку в деревянном зодчестве отражены исконно русские народные традиции в виде «как общих для всей России, так и характерных для местного архитектурного творчества» [1. С. 8; 2]. В более широком смысле можно будет проследить способ адаптации русских людей на новых территориях. Вероятные археологические исследования на площади острогов дадут нам материал, в первую очередь, из верхних, т.е. наиболее поздних частей культурного слоя. Поскольку такой материал будет значительно информативнее ниже лежащих в смысле наличия возможности более широкого использования сведений письменных источников, то эти данные как вспомогательные необходимо обобщить и систематизировать, начиная с наиболее поздних. Поэтому целью данного исследования является установление планировки острогов, находившихся на территории крупной части региона – Средней Сибири.

Планы, схемы, описания и иные сведения для большинства острогов можно найти в исторических источниках различного характера. Это правительственные указы, донесения в Москву с приложениями планов сооружений, местная административная документация,

первая карта Сибири С.У. Ремезова с изображениями острогов и более поздние картографические материалы, свидетельства послов, академических ученых, путешественников и т.д. Согласно им в XVI – XVIII вв. в Сибири возводились, главным образом, дерево-земляные оборонительные сооружения, сопровождавшиеся служебной, хозяйственной, религиозной и жилой составляющей. Ими могли быть зимовья (избы с «нагородью», т.е. с боевой надстройкой), а также более сложные и развитые по конструкции крепости, независимо от вида оборонительных стен, размера и характера обороняемой территории, получившие обобщенное наименование «острог» [3].

В Средней Сибири (в основном это пределы современных Красноярского края и Хакасии, в первой трети XVIII в. – территория Мангазейского, Енисейского, Красноярского и частично Томского уездов Енисейской провинции Сибирской губернии) известны следующие остроги (по хронологии создания): Кетский (1596 г.; ставился 5 раз в разных местах по р. Кеть), Новая Мангазея или Туруханск (начинался с зимовья 1607 г.), Маковский (1618 г.), Енисейский (1619 г.), Мелесский (1621 г.; несколько раз сжигался, перестраивался, переносился на новые места), Красноярский (1628 г.), Рыбинский (1628 г.), Ачинский (1641 г.; переносился не менее трех раз), Канский (начинался с зимовья 1628 г., затем ставился дважды в разных местах по р. Кан), Нижнеудинский (начинался с зимовья 1646 или 1648 г.), Бельский (Беловский) в Енисейском уезде (1667 г.), Кемский, Тасеевский (годы постройки неизвестны), Караульный верхний (или Бельский в Красноярском уезде, 1675 г.), первый и второй Абаканские (1675 и 1707 гг.), Ломовской (1676 г.), Караульный нижний (1680 г.), Саянский (1718 г.). Кроме того, села Есаулово и Частоостровское на Енисее, а также Подъемное в Красноярском уезде имели деревянные стены со рвами, надолбами и рогатками, т.е. с точки зрения фортификации являлись острогами [4].

В нашем распоряжении применительно к выделенной территории, как уже указывалось, имеется значительный объем разнородных письменных источников, позволяющих проследить «топографическую историю» большинства этих объектов. Но они в основном разновременные, относящиеся обычно к отдельным объектам или их

небольшим группам. Кроме того, нужно учитывать, что многие остроги переносились на новые места или перестраивались по новым планам и технологиям в разное время. Лишь по материалам Г.Ф. Миллера, лично побывавшего в регионе, можно получить своеобразный «срез», единовременную картину состояния почти всех их (за исключением первого Абаканского, Ломовского и Караульного нижнего острогов) на период 1735 – 1740 гг., т.е. времени проведения этой экспедиции, которое близко к началу этапа завершения функционирования на данной территории в целом объектов русской фортификации. Поэтому в силу обозначенной выше цели важно провести обобщение этих конкретных материалов, которые в случае проведения археологических исследований будут соответствовать в основном верхним частям культурного слоя указанных объектов.

Кетский острог (южный берег протоки р. Кеть) имел четырехугольную форму со сторонами приблизительно по 20 саженей и 2 башни: угловую – со стороны реки и проезжую – со стороны суши. В остроге находились дом приказчика, канцелярия и 3 амбара. Церковь и частные дома располагались снаружи [Там же. С. 188]. К сожалению, Г.Ф. Миллер не указал, что стены были тыновыми – но это можно узнать из иных источников [5. С. 179 –180].

Новая Мангазея (иначе Туруханск, правый берег Туруханской протоки Енисея), центр одноименного уезда Енисейской провинции – это четырехугольная деревянная крепость со сторонами в 40 саженей, с 4 угловыми башнями; 5-я башня (в западной стене) была проезжей. Слева от въезда в острог в одном ряду стояли караулка, воеводские канцелярия и жилой дом с пристройками. Напротив (справа от въезда) располагались старая часовня (в период пребывания Г.Ф. Миллера она служила амбаром наряду с погребом), а недалеко от крепостной стены, находящейся напротив ворот, стояло большое развалившееся здание, где прежде жили воеводы. Амбары для ясачной казны и казенного инструментария были врублены в верхний этаж крепостной стены, справа от ворот. Обе церкви, ратуша, гостинный двор, хлебный магазин, винный погреб, кабаки, пивоварня, часовня и частные жилища находились вне острога [4. С. 119]. К сожалению, ученый не указал, в какой технике были выполнены стены.

В Маковском остроге (северный берег р. Кеть, выше Кетского острога, у начала волока на Енисей) в период путешествий Г.Ф. Миллера целой осталась лишь одна башня. В пределах острога имелись церковь, частные дома и различные амбары [Там же. С. 40].

Енисейский острог (левый берег Енисея в 11 верстах ниже устья р. Кемь), центр одноименного уезда и провинции, имел форму четырехугольника. В период путешествий Г.Ф. Миллера в этом первоначальном остроге, находившемся в центре города, имелись каменная церковь, старая и новая канцелярии, амбар для пушной казны, дом воеводы, караулка и тюрьма, внутри острога, окруженная тыновой стеной. Собственно город лишь на части его общей протяженности, составлявшей 2,5 версты по берегу Енисея (всего 704 двора), был защищен тыновыми стенами, в плане имевшими форму полумесяца. В нем находились гостиный двор, ратуша, амбары, пороховой и провиантский магазины (2 последних были окружены по отдельности тыновыми стенами четырехугольной в плане формы, гостиный двор до пожара 1727 г. также имел защитные стены, не поставленные во время его восстановления). Имелись также два монастыря и несколько церквей [Там же. С. 39–40].

Мелесский острог, как писали, ссылаясь на Г.Ф. Миллера Д.Я. Резун и Р.С. Васильевский, поставленный в последний раз на правом берегу Чулыма у устья р. Кемчуг с тыновыми стенами размерами 10x10 сажений, имел одну башню, дом приказчика и амбары. За стенами острога находились церковь и несколько частных домов [5. С. 206; 6].

Красноярский острог (стрелка рек Енисея и Качи), центр одноименного уезда Енисейской провинции, в период путешествий Г.Ф. Миллера состоял из Малого и Большого деревянных городов. Малый по форме, представлял собой квадрат, периметр тыновых стен которого составлял около 280 сажений. По углам были рубленые башни. Имелась и проезжая башня. Внутри находились церковь, воеводская канцелярия с домом воеводы, оружейный склад, пороховой погреб, караулка, кузница, магазины и амбары. Большой город был защищен тыновой стеной с двумя проезжими башнями. Здесь имелись церковь с колокольной, ратуша с винным погребом, купеческие лавки, жилые

дома. Весь комплекс строений со стороны суши и р. Качи защищался надолбами [4. С. 61]. Однако на гравюре А.Я. Колпашникова (по зарисовкам 1730-х гг.) Малый город имеет форму прямоугольника [7]. Исходя из того, что автор гравюры родился лишь в 1744 г. и реально острога не видел, можно предполагать наличие искажений в пропорциях острожных строений, поскольку на гравюре и местность вокруг Красноярска показана очень искаженно. О наличии жилой застройки вне стен Г.Ф. Миллер не упомянул. Но на карте С.У. Ремезова она имеется [8].

В Рыбинском остроге (северный берег р. Ангары в 108 верстах от ее устья), из-за того что он был построен на высокой скале, тыновая стена, имевшая проезжую башню, полумесяцем выводилась к реке. В период путешествий Г.Ф. Миллера в остроге находились церковь и два амбара, а дом приказчика и частные дворы располагались снаружи [4. С. 42].

Сведения об Ачинском остроге 1641 г. в опубликованных трудах Г.Ф. Миллера отсутствуют. Из иных источников известно, что он был построен у оз. Сызырим недалеко от р. Чулым, а затем неоднократно переносился по р. Чулым и перестраивался. Место расположения первого Ачинского острога нами обнаружено в ходе полевых разведочных работ – с этим объектом идентифицирован трапециевидный в плане комплекс валов и рвов на южном берегу оз. Домашнее в пределах с. Дорохово Назаровского района Красноярского края. По данным начала XVIII в. острог находился уже на месте современного г. Ачинска. Его размеры были 10x10 сажень [5. С. 90–91]. Имелись тыновые стены с двумя башнями [6].

Канский острог (южный берег р. Кан), по словам Г.Ф. Миллера, в 1735 г. был построен «в форме круга из положенных поперек друг на друга бревен и вбитых между ними кольев» (т.е. в технике заплота). В остроге или рядом было 40–50 домов, 5 из которых стояли выше острога на противоположном берегу реки [4. С. 63]. Но в 1739 г. он уже сообщал, что здесь имелись обычные острожные укрепления и церковь [Там же. С. 63, 136]. Обычными же для Средней Сибири (за редкими исключениями) были остроги, имевшие в плане форму квадрата или прямоугольника. На карте С.У. Ремезова Канский острог

показан именно таким (прямоугольным в плане) [8. С. 34]. Судя по примечаниям самого Г.Ф. Миллера, касающимся Канской земли, в этом остроге он не был и сведения о нем получил лишь по чьим-то рассказам, скорее всего, ошибочно понятым относительно круглой формы острога. Но эти сведения могут быть дополнены сообщением С.П. Крашенинникова, который побывал в Канске в 1735 г. и указал, что в остроге имеются «церковь..., канцелярия, прикащиков двор и амбары, где ясак кладется»; им упомянуто также о 40 частных дворах, но не отмечено, где они находятся – судя по большому их числу, они в большинстве должны были стоять за пределами острога [9. С. 66].

Нижнеудинский острог (восточный берег р. Уда) первоначально имел тыновые стены, которые незадолго до путешествия Г.Ф. Миллера были заменены «четырёхугольной стеной из положенных поперек друг на друга бревен и вбитых между ними кольев» (т.е. выполненной в технике заплота); со стороны поля имелись ворота, над которыми сооружена часовня (вероятно, все это находилось в проезжей башне). В остроге имелись казармы для гарнизона и амбары. Частные дома находились вне его [4. С. 63]. С.П. Крашенинников, побывавший здесь также в 1735 г., отметив часовню, дополнил эти сведения указаниями, что в остроге находились «...прикащиков двор, несколько амбаров, баня над воротами... А за острогом только 4 двора обывательских» [9. С. 67]. Следует отметить, что достоверность приведенного сообщения о бане, тем более расположенной, исходя из сути информации, на втором этаже проезжей башни, где по Г.Ф. Миллеру находилась часовня [4. С. 63], весьма сомнительна.

Бельский (Бельской, Беловский) острог (западный берег р. Белая в 10,5 верстах от ее устья) имел тыновые стены в форме четырехугольника. Капитально отремонтирован в 1733 г., включая проезжую башню. В остроге тогда стояли церковь и провиантские амбары. Дом приказчика, судная изба и частные дома находились снаружи. В 6 верстах выше острога стояла Троицкая слобода с церковью, окруженной маленьким острогом [Там же. С. 41].

Кемский острог (восточный берег р. Кемь, примерно в 150 верстах от Енисейска), имел тыновые стены, поставленные в форме четырехугольника, с проезжей башней и надолбами со стороны суши.

В период путешествий Г.Ф. Миллера церковь, дом приказчика, судная изба и провиантский магазин находились в проезжей башне. Частные дома стояли снаружи [Там же. С. 41].

Тасеевский острог (западный берег р. Усолки) имел тыновые стены в форме четырехугольника с двумя башнями. В период путешествий Г.Ф. Миллера в остроге стояли церковь, дом приказчика, судная изба и амбары; вокруг острога установлены рогатки. Частные дома находились снаружи [Там же. С. 42].

Караульный верхний острог (левый берег Енисея в 7 верстах ниже устья р. Сисим) имел тыновые стены, расположенные в форме четырехугольника, три боевые и проезжую башню со стороны Красноярска. В остроге имелись церковь, приказная изба, жилище приказчика и амбары. Частные дома стояли вне его [Там же. С. 60, 63].

Ломовской острог Г.Ф. Миллером лишь упоминается как стоящий на р. Острожной, в тайге по дороге из Красноярска в Томск. Из иных источников каких-либо сведений об его планировке нет.

Первый Абаканский острог (остров Карагас на Енисее, недалеко от устья р. Абакан – вероятно, это нынешний Тагарский остров) в описания Г.Ф. Миллера не попал, поскольку был ликвидирован в результате осады кыргызами вскоре после создания [10. С. 167–168].

Второй Абаканский острог (правый берег Енисея в 70 верстах ниже по течению от устья Абакана) вначале имел тыновые стены, но в период путешествий Г.Ф. Миллера уже срубные (скорее всего – тарасы, поскольку ученый написал, что острог в 1725 г. возведен заново четырехугольным в плане «... по образцу деревянных домов» [4 С. 62]). Вокруг острога с трех сторон был протянут ров, сопровождаемый надолбами. Имелись 4 угловые и проезжая (со стороны поля) башни. Ворота выходили как к реке, так и в сторону поля (в последнем случае – под башней). «...Внутри стен» располагались казармы и амбары, что и позволяет характеризовать первые как тарасы. Отдельные строения в остроге – церковь, приказная изба и жилье приказчика (в разных зданиях), амуниционный и провиантские магазины, караулка. У острога, выше по течению Енисея, стояли частные дома [Там же. С. 62]. По данным инженер-капитана С. Плаутина 1745 г. - «Абаканская крепость деревянная, четверугольная» [11. С. 255].

Караульный нижний острог не получил описания у Г.Ф. Миллера и в иных источниках. По имеющимся отрывочным сведениям можно полагать, что он стоял на левом берегу Енисея, приблизительно напротив устья р. Мана.

Саянский острог (правый берег Енисея, в 57 верстах выше устья р. Абакан) Г.Ф. Миллер в 1735 г., т.е. до своей поездки на юг Приенисейского края, описывал как имеющий форму «круга из положенных друг на друга бревен в полторы сажени высотой». Как и в случае с Канским острогом, исследователь, видимо, записал данные сведения с чьих-то слов. Так после путешествия 1739 г. на юг Приенисейского края он описал Саянский острог уже как имеющий форму квадрата со сторонами примерно по 50 саженой. Однако в самом остроге он не побывал, ограничившись пребыванием на противоположном от него (левом) берегу Енисея, откуда острог просматривался [4. С. 62, 156]. С. Плаутин также сообщал, что «Саянская крепость деревянная, четверугольная» [11. С. 256]. Исходя из этих упоминаний, в остроге имелись 2 проезжие башни (в стоявшей со стороны реки находилась часовня, в противоположной – караулка), а 4 угловые использовались под казармы. Вокруг острога – заплот, рубленный в лапу, а также ров, позади которого установлены надолбы; перед воротами стояли рогатки. Внутри располагались дом приказчика с его жилой частью, амуниторный и провиантский магазины. Частных домов не имелось. С этими сведениями в целом совпадает описание 1773 г. П.С. Палласа, сообщившего о 5 казармах в остроге и упомянувшего еще и пороховой погреб [12. С. 542–543]. Можно допустить, что Г.Ф. Миллер именно этот объект называл амуниторным магазином. Возможно, на берегу Енисея отдельно стоял еще амбар [13. С. 56]. Проведенное силами археологического отряда Новосибирского государственного университета полное раскопочное изучение острога подтвердило достоверность большинства указанных сведений, в том числе относительно его планировки подквадратной формы, наличия заплота, использования четырех угловых башен под жилье, присутствия порохового погреба и провиантского магазина, также имевшего погреб для хранения припасов; 5-я казарма, упомянутая П.С. Палласом, вероятно, находилась в одном из тарасов в стене со стороны реки [14]. Все это может

косвенно свидетельствовать в пользу достаточно высокой степени объективности и иных сообщений Г.Ф. Миллера о русских сибирских острогах, основанных на его личных сведениях, в том числе как очевидца.

Село Есаулово (правый берег Енисея в 30 верстах ниже по течению от Красноярска), получившее у Г.Ф. Миллера определение «административная деревня», было самым большим в Красноярском уезде в первой трети XVIII в. В 1735 г. здесь имелись две церкви и до 160 дворов. Со стороны поля все постройки были обнесены тыновой стеной не указанной конфигурации, рвом, надолбами и рогатками. Имелась проезжая башня [4. С. 64].

Село Частоостровское (левый берег Енисея в 35 км ниже по течению от Красноярска), также «административная деревня», в 1739 г. имело церковь и до 50 дворов. Было укреплено подобно с. Есаулово [Там же. С. 64, 138].

Село Подъёмное (р. Верхняя Подъёмная в 2 верстах от ее устья) в 1735 г. имело церковь и 13 дворов. В то время вокруг него велось строительство деревянной стены в технике заплота не указанной в плане конфигурации [Там же. С. 64].

В целом, Г.Ф. Миллер привел единовременные сведения разной степени полноты о планировке 19 из 22 известных в его время на территории Средней Сибири под своими тогдашними именами укреплений острожного типа. Исходя из них, мы можем сделать ряд важных обобщений.

Так, в этот период на территории Средней Сибири абсолютно преобладала подквадратная или подпрямоугольная планировка оборонительных стен и рвов. Канский и Саянский остроги также могут быть уверенно включены в это число, поскольку упоминания о форме круга для них являются явно ошибочными – даже в настоящее время на Енисее постройку квадратной формы часто называют круглой, что в таком виде, вероятно, и донесли до исследователя его информаторы в 1735 г., а Г.Ф. Миллер понял это буквально. Подквадратная планировка Саянского острога достоверно фиксируется и по данным археологии. Лишь 2 острога имели в плане форму, применявшуюся к условиям местности (Рыбинский) или имеющимся площадям жилой и иной за-

стройки (внешний город Енисейска). Стены также в подавляющем большинстве случаев были тыновыми (даже применительно к уездным городам). Однако, видимо, начиная с создания Саянского острога, использовалась преимущественно уже техники заплота, как в ходе перестроек (Канский и Нижнеудинский остроги), так и при новом строительстве (Саянский острог и «административные деревни»). Дорогая и трудоемкая техника тарасов была применена в полном объеме лишь в одном случае – в ходе перестройки второго Абаканского острога (частично использовалась также в Саянском остроге, что установлено по результатам археологических раскопок) [14]. В связи с отсутствием сведений о конструкции стен Новой Мангазеи остается лишь предполагать, что упомянутые Г.Ф. Миллером амбары для ясачной казны и казенного инструментария могли быть «... врублены в верхний этаж крепостной стены», имевшей вид тарасов. О наличии рвов упоминается лишь в 4 случаях (все в Красноярском уезде; причем, в 2 из них – для «административных деревень»), надолбов – в 7 случаях (из них для Енисейского уезда лишь в 1 случае).

Состав деревянных сооружений оборонительного характера не был стандартным. В частности, сильно разнилось количество башен – от одной (в пяти случаях о башнях вообще не упоминалось, но при этом не исключено, что их наличие подразумевалось) до пяти (в Новой Мангазее и во втором Абаканском), шести (в Саянском) и даже семи (в Красноярском остроге). Отличался и состав построек административно-хозяйственного и религиозного характера, хотя большинство их присутствовало во всех объектах – это дом приказчика (воеводы), канцелярия, амбары, часовня (или церковь); лишь в двух случаях (оба в Енисейском уезде) дом приказчика находился вне острога. Интересно, что о пороховом (амуниционном) погребе (магазине) упоминается лишь 4 раза, причем 3 из них для Красноярского уезда. Для уездных центров было характерно дополнительно наличие таких объектов, как ратуша, гостиный двор (для Красноярского острога не упомянут), винный погреб (для Енисейского острога не упомянут). Во всех этих трех уездных острогах имелись также караулки, которые в остальных случаях упоминались лишь для самых южных – второго Абаканского и Саянского.

Отмечается заметная разница в уровне поддержания обороноспособности русских поселений Енисейского и Красноярского уездов. Так, на более северных территориях часть укреплений была в плохом состоянии, новые не возводились, развалившиеся ремонтировались мало (это было сделано лишь для Бельского острога на южной границе Енисейского уезда), значительная часть разнородных построек находилась уже вне их стен, деревни укреплений не имели. В Красноярском же уезде протекали разнородные процессы. Именно здесь находились остроги, в которых применялась дорогостоящая техника тарасов и имелось максимальное количество башен, строились новые укрепления (даже для деревень), подновлялись или перестраивались старые; в целом, большинство действующих было в хорошем состоянии. Но одновременно часть построек (главным образом жилых) также выносилась наружу и отдельно не укреплялась, что могло свидетельствовать о начале тенденции снижения военной опасности для русского населения даже южных районов, хотя угроза джунгарских набегов существовала до середины этого столетия.

Относительно оценки качества письменных источников нельзя не упомянуть о значительных расхождениях между сведениями Г.Ф. Миллера о большинстве острогов и их изображениями на карте С.У. Ремезова. Кроме того, для Средней Сибири на этой карте по Енисею ниже Красноярска показаны два острога, которые у Г.Ф. Миллера в таком качестве не упоминаются – Казачий Луг и Караульный. Уточнения данных сведений с учетом их разновременности и показа С.У. Ремезовым, возможно, уже не существовавших к концу XVII в. объектов фортификации – задачи нашей дальнейшей работы, для чего необходимы и полевые археологические исследования. Именно они, как это уже было на примере полных раскопок Саянского острога, частичных – на площади Красноярского и Енисейского острогов, или поиска места расположения первого Ачинского острога, позволят уточнить сведения архивных материалов, конкретизировать размеры, формы построек, выявить их взаимную соподчиненность и таким образом внести большую определенность в материалы письменных источников.

Литература:

1. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1978. 190 с.
2. Градостроительство Сибири. СПб. : Коло, 2011. 784 с.
3. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 142 с.
4. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
5. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосиб. книжн. изд-во, 1989. 304 с.
6. Из отчета томских воевод об укреплениях, количестве вооружения, огненных припасов в Томске и подведомственных ему острогах. 1706 г. // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Tomsk_ist/text1.htm, свободный.
7. Колпашников А.Я. De Stadt Krasnojarsk. Гравюра (по зарисовкам 1730-х гг.) URL: <http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/66/Before1733.jpg>, свободный.
8. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. 1701. 50 с. URL: <https://www.flickr.com/photos/132527901@N07/20319978195/in/album-72157656827164281>, свободный.
9. С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л. : Наука, 1966. 239 с.
10. Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан : Хакасск. книжн. изд-во, 2007. 336 с.
11. Чертыков В.К. Материалы по истории Хакасии первой половины XVIII в. в фондах Архива внешней политики Российской империи // Материалы I Межрегиональной научно-практической конференции «Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири», приуроченной к 85-летию со дня образования архивной службы Республики Хакасия. Абакан: ООО «Книжн. Изд-во «Бригантина», 2012. С. 250–257.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Пол. 1. СПб., 1788. 624 с.

13. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1981. 248 с.

14. Скобелев С.Г. Саянский острог как памятник археологии // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 137–149.

Опыт строительства полномасштабного макета острога XVIII века

Шаповалов Андрей Валерьевич,
директор Новосибирского государственного краеведческого
музея, кандидат исторических наук, г. Новосибирск

Остроги и крепости, построенные в начале XVIII века при продвижении русских отрядов в Южную Сибирь, попали в поле зрения историков и археологов сравнительно недавно – с середины 1980-х годов. Поскольку известных ученым архивных документов о строительстве острогов и их ранней истории очень немного, основные данные получены в результате археологических работ. Сегодня практически полностью исследованы Саянский острог в Красноярском крае и Умревинский острог в Новосибирской области, на ряде памятников проводились разведочные работы, по итогам выпущены серьезные статьи и монографии, сделаны графические и 3D-реконструкции, в нескольких местах восстановлены отдельные башни и фрагменты стен. Кажется, облик южно-сибирских острогов вполне понятен. Однако существует проблема, на которую никто не обращал внимания: все реконструкции сделаны на основе археологических планов по аналогии с сохранившимися объектами на смежных территориях. Соответственно, количество оборонительных и хозяйственных объектов в крепости совпадает, если есть достоверные данные, но внешний вид объектов и общий архитектурный ансамбль крепостей выглядят так, как их представляют исследователи или художники. Как правило, реконструкции не учитывают многих строительных нюансов, в том числе высоты отдельных объектов и их соотношения. О них археология не может судить, а других сведений просто нет.

Мы столкнулись с этой проблемой, когда начали строительство полномасштабного макета острога XVIII века в долине реки Куюм в Чемальском районе Республики Алтай для нового музейно-туристического комплекса. Поскольку выбранное место

строительства никак не связано с конкретным острогом, было решено строить усредненный «острог на малую статью» с типовым набором зданий и сооружений, характерным для подобных объектов. Общий размер деревянных оборонительных сооружений – 56 х 42 м, они состоят из 5 башен и соединяющих их стен с помостами, внутри 2 амбара, приказная изба и кузницы.

Все угловые башни двухэтажные, размер в плане 5 х 5 м (6 х 6 с обламом), высотой до конька крыши 7 м. Помещение первого этажа оборудовано под казарму и отделено от второго глухим утепленным перекрытием. На втором этаже – боевая площадка, вход в нее – с помоста у стены.

Проезжая башня трехэтажная с наблюдательной вышкой, размер в плане 6 х 6 м (7 х 7 с обламом), общая высота 11,5 м. В первом этаже – проезжие ворота, этот этаж отделен от остальной части глухим перекрытием, вход на второй этаж через отдельную дверь с помоста у стены. На втором и третьем этажах устроены боевые площадки, они соединяются между собой внутренними лестницами. Еще одна лестница ведет на караульную вышку (4-й этаж).

Стены сделаны в виде частокола из однопила диаметром 17 – 25 см, их средняя высота от поверхности земли с учетом рельефа – 3,6 м. К стенам пристроены помосты для защитников крепости и выезды для пушек, шириной 2,5 – 1,5 м.

При проектировании и строительстве мы практически сразу столкнулись с тем, что наши представления о простом, лаконичном и удобном устройстве подобных крепостей натолкнулись на серьезные противоречия конструктива. Так, при проектировании мы исходили из того, что защитники крепости во время военных действий должны быстро и беспрепятственно перемещаться вдоль стен и внутри башен, то есть здесь не должно быть дополнительных лестниц и подиумов, а все проемы максимально проходимы. При этом во время обороны защитники должны постоянно находиться под прикрытием частокола или стен башен. Исходя из этого, мы выбрали единый «горизонт пола второго этажа» – поверхности, по которой должны перемещаться защитники. Это пол боевых площадок башен стен и помостов у стен. Его высота зависит от нескольких факторов.

Основной из них – высота потолка в помещениях первых этажах башен и толщина перекрытия. Несмотря на то, что потолок в казарме (1-й этаж) не должен быть высоким, он не может быть и очень низким, иначе вся башня получится приземистой, а обламы будут свисать ниже стен острога. При этом поверхность помостов должна быть от кончиков частокола на 110 – 120 см, иначе невозможно будет вести стрельбу. Подбор высоты «горизонта пола второго этажа» пришлось рассчитывать, исходя из необходимости соблюдать баланс между предельной высотой стены и минимально возможной высоты потолка. При этом дополнительные лестницы и ступени все же пришлось сделать.

Вторая проблема – высота стены второго этажа до облама. Она никак не может быть выше, чем 140 см, а лучше – 120 см, иначе через облам невозможно вести огонь из ружей. Это означает, что в пространство 140 см нужно врезать дверь, через которую осуществляется внешний вход в башню. Так как верхнее бревно нельзя трогать, высота двери может быть не более 100 – 110 см. Это очень низкая и неудобная дверь, но иначе ее сделать невозможно.

В результате наших работ при всех современных строительных хитростях, сделать беспрепятственные и удобные проходы для защитников между стенами и угловыми башнями нам так и не удалось. Единственное место, где это получилось – проезжая башня, в которой три этажа.

У современных исследователей есть устоявшееся представление, что у острогов юга Сибири XVIII века угловые башни были двухэтажными. Возможно, что это не так. Известны конструкции угловых башен в три этажа. Опыт нашего строительства показывает, что для организации обороны такие башни с низкими первым и вторым этажами и с облагом у пола дают защитникам больше маневра и укрытия для обороны.

В целом, реконструкции полных комплексов защитных сооружений острогов могут являться не только вкладом в развитие туристических и достопримечательных мест, но и открывают новые возможности для прикладного исследования военного дела и деревянной оборонной архитектуры.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Бугаева Г.А. К вопросу о Саянском остроге	3
2. Богуцкий А.Е. Влияние краеведческой и просветительской деятельности МБОУ «Каптыревская СОШ» на возрождение станицы Саянской.....	8
3. Бутанаев В.Я. Триста лет в теплых объятиях России	14
4. Быконя Г.Ф., Чернышёва А.А К характеристике основателя Саянского острога и руководителя Второй Красноярской «шатости» Ильи Михайловича Нашивошников-Сурикова	19
5. Дацышен В.Г. Острог в Саянах и проблемы русско-китайских отношений	35
6. Ерёмин Л.В., Новоторженцев К.С. Виртуальная «жизнь» Саянского острога.....	45
7. Котенок Л.Д. История земли саянской.....	49
8. Кулибаба С.И., Морозов Д.В. Казачество: традиции духовности и созидания.....	52
9. Леонтьев Е.В. Образование домохозяйств в жизненном цикле служилых людей Красноярского уезда по данным податной ревизии 1722г.....	61
10. Лисовая А.В. Мы вместе три века	69
11. Майничева А.Ю. Проблемы реконструкции сибирских острогов XVII – XVIII веков.....	79
12. Скобелев С.Г. Саянский острог в ряду русских крепостей Средней Сибири.....	84
13. Шаповалов А.В. Опыт строительства полномасштабного макета острога XVIII века.....	97

